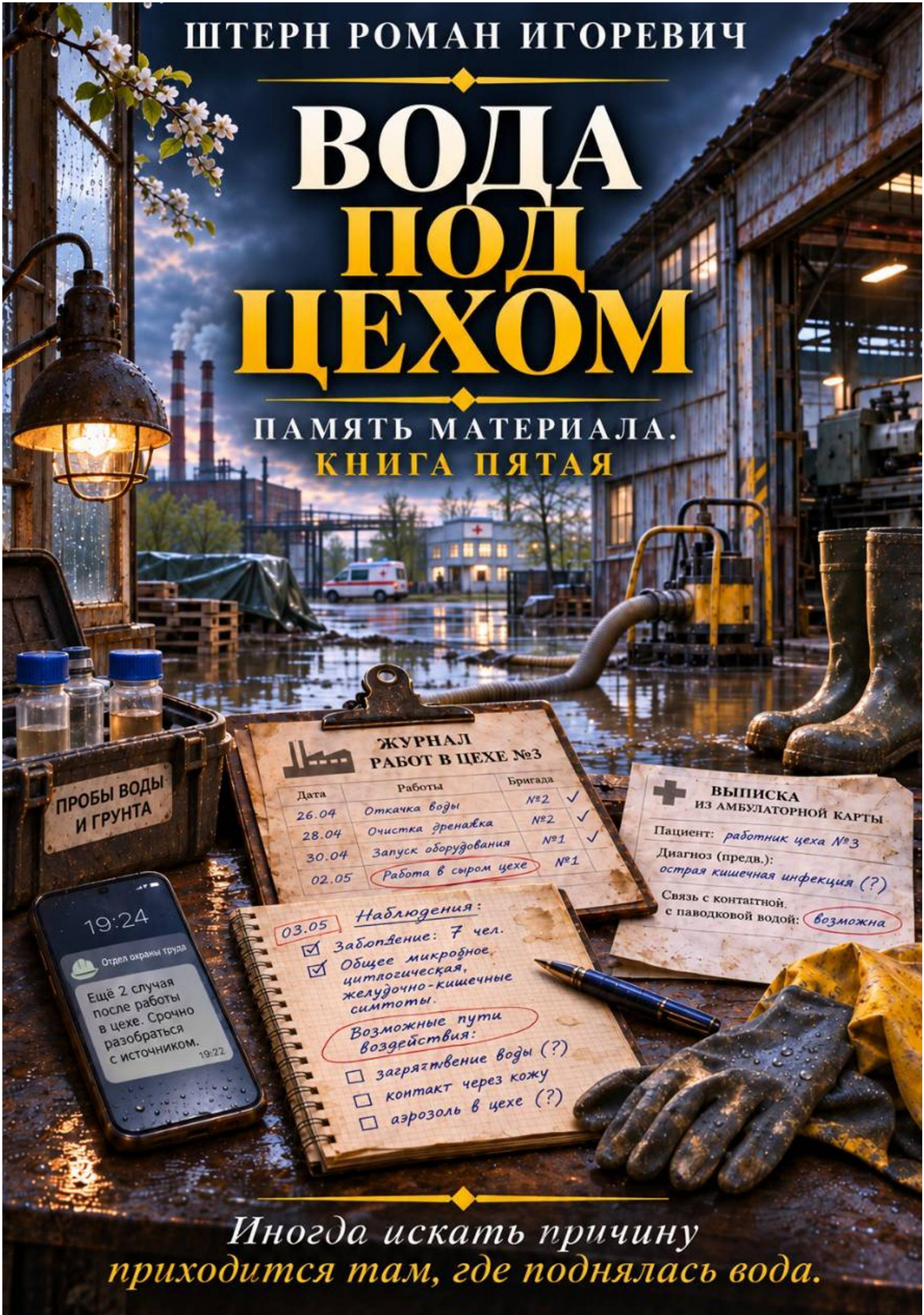

ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ВОДА ПОД ЦЕХОМ
ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА.
КНИГА ПЯТАЯ
ПРОБЫ ВОДЫ И ГРУНТА
ЖУРНАЛ РАБОТ В ЦЕХЕ №3
Дата | Работы | Бригада
26.04 | Откачка воды | №2 ✓
28.04 | Очистка дренажа | №2 ✓
30.04 | Запуск оборудования | №1 ✓
02.05 | Работа в сыром цехе | №1
ВЫПИСКА ИЗ АМБУЛАТОРНОЙ КАРТЫ
Пациент: работник цеха №3
Диагноз (предв.): острая кишечная инфекция (?)
Связь с контактной с паводковой водой: возможна
19:24
Отдел охраны труда
Ещё 2 случая после работы в цехе. Срочно разобраться с источником.
19:22
03.05 Наблюдения:
☑ Заболевание: 7 чел.
☑ Общее микробное, цитологическая, желудочно-кишечные симптоты.
Возможные пути воздействия:
☐ загрязнение воды (?)
☐ контакт через кожу
☐ аэрозоль в цехе (?)
Иногда искать причину
приходится там, где поднялась вода.

Роман Штерн

Вода под цехом

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Вода под цехом / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Пятая книга цикла «Память материала». После паводка комбинат в Североречинске возвращается к работе, а люди, помогавшие его спасать, начинают заболевать. Врач-профпатолог Инга Мельникова приехала в родной город за документами об отце, но вынуждена включиться в расследование. Почему среди пациентов оказывается женщина, которая не спускалась в затопленные помещения? Кого не учли в списке помощников? И можно ли требовать ответственности от человека, которому искренне благодарен?

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Не ждать архива 6
Глава 2. После спасения 14
Глава 3. Те, кто пришёл 22
Глава 4. Получено лично 29
Глава 5. Не одна лихорадка 37
Глава 6. Кровь до ответа 45
Глава 7. Я в подвал не ходила 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Вода под цехом

От автора

Я не знаю, какой у Вас сегодня день — свободный или расписанный почти по минутам. Но в нём нашлось место этой книге, и за это я хочу сказать Вам настоящее, простое спасибо. Вы могли выбрать другую, могли вовсе отложить чтение, поэтому Ваши время, внимание и доверие для меня совсем не мелочь. Мне дорого знать, что написанные мной слова станут частью чьего-то обычного дня, о котором мне ничего не известно. Пусть в Вашем дне найдётся место и для других вещей, которые радуют Вас без особого повода.

Глава 1. Не ждать архива

Автобус не доехал до остановки у аптеки. Водитель открыл двери возле магазина тканей и, не оборачиваясь, сказал:

— К речке пока не ходим. Проезд подмыло. Кому в нижние дома — через школу.

Инга сняла сумку с соседнего сиденья. На ручке осталась полоска воды от чужого зонта, хотя дождя сегодня не было. Второе мая выдалось светлым, с холодным ветром; на солнце ещё лежали прошлогодние листья, вынесенные из канав и слипшиеся в плоские коричневые пакеты.

От вокзала она ехала привычной дорогой, но последние двести метров пришлось пройти чужим двором. На первом этаже распахнули окна. За одним сушились поставленные на ребро дверцы шкафа, за другим женщина соскребала шпателем вздувшуюся краску с подоконника. Два мальчика тащили к мусорной площадке диванную подушку. Один нёс за сухой угол, второй держал мокрую середину и сердился.

Дом Ирины стоял выше. Вода сюда не дошла, зато на балконе второго этажа висели рабочие рукавицы — целый ряд, пальцами вниз. Под ними на верёвке сушился детский пододеяльник.

Мать открыла до звонка.

— Я из окна видела. Ты зачем через двор?

— Автобус дальше не идёт.

— Говорила же, машину возьми.

— Я хотела пройти.

— Ну, прошла. Ставь сумку, картошка стынет.

Ирина отступила от двери, слегка разворачивая левую ногу. Инга заметила это раньше, чем сняла куртку. На кухне стол был накрыт на двоих; никаких папок рядом с тарелками не лежало. У окна стояла тяжёлая напольная сушилка, на ней — выстиранное одеяло. Одна ножка упиралась в дверцу холодильника.

— Давай переставим, — сказала Инга.

— Я её потом уберу.

— Тебе холодильник не открыть.

— Открывается. Не весь.

Они взялись с двух сторон. Мокрое одеяло потянуло сушилку вниз; Ирина перехватила перекладину, а Инга уже хотела сказать, чтобы мать отпустила. Вместо этого спросила:

— Куда?

— В комнату, к стене. Только не на половик, будет качаться.

Когда поставили, Инга проверила, не скользят ли ножки. Ирина расправила одеяло, освобождая нижний край.

— Колено сильнее болит?

— После лестницы. До автобуса дохожу.

Инга посмотрела на низкий стул у балконной двери, на котором мать обычно переобувалась.

— Можно купить повыше.

— Можно. Сначала поешь.

На кухне пахло укропом и разогретым маслом. Мать отложила ей хрустящий край запеканки, себе взяла середину. Инга села, почувствовав, как после поезда тянет поясницу. Ей было сорок восемь, а дома всё ещё хотелось объяснять, почему она не надела шарф.

— В архив в понедельник? — спросила Ирина.

— Да. Подтвердили время.

— Я с тобой пойду.

— Там лестница.

Ирина подняла глаза.

— Я её помню.

— Хорошо. Пойдём вместе.

Запрос они отправили ещё зимой — с согласованной выдержкой, без полной страницы письма. Теперь ждали дело 18 и карточку 42: сведения о выдаче копий, которые могли попасть к Николаю при жизни. Позднее П-6 уже лежало в другой части семейной подборки. Семь лет между смертью отца и составлением приложения были проверены; возвращаться к этому как к неразрешённому вопросу не требовалось. Не требовалось и снова слушать домашнюю кассету в надежде узнать его голос. Копия оставалась неполной, утраченная речь не появлялась оттого, что Инга приезжала ближе к месту записи.

На эти несколько дней она привезла только нужные реквизиты.

Телефон коротко дрогнул возле хлебницы. Павел прислал сообщение: «По текущим обращениям связь распределили. Замещение подтвердили. Сегодня можешь не смотреть рабочий ящик».

Следом пришла фотография листа с датами. Мартовское согласование следующего этапа медицинского сопровождения по прежнему делу было исполнено; ближайшие приёмы и оговорённая дорога обеспечены. Это не закрывало ни отдельных требований Полины, ни рассмотрения травмы Шубина, ни старых расчётов Нины. Но чтобы люди попали на приём, сегодня не требовалось присутствие Инги в Екатеринбурге.

Она ответила: «Доехала. Спасибо». Фотографию увеличивать не стала.

— Павел? — спросила мать.

— Да. Всё по работе устроили.

— Значит, завтра можно на рынок. Мне землю для рассады надо.

— Можно.

Телефон зазвонил, когда Ирина встала за компотом. Номер был местный, знакомый по прежним медицинским запросам.

Заводской фельдшер поздоровалась и сразу спросила:

— Вы уже в городе? Ирина Петровна говорила, второго будете.

— Приехала. Что случилось?

— Левшина отправляем в больницу. Электромонтёр, двадцать девять лет. Температура высокая, ноги болят сильно, мочи со вчерашнего вечера мало. Скорая здесь. После воды он работал, а где и сколько — толком не могу получить.

Инга отодвинула тарелку.

— Сознание ясное?

— Да. Только вымотался. Бригада уже осмотрела, везут. Я не про госпитализацию спрашиваю — это решили. Можете помочь с работой разобраться, когда врачи разрешат?

— Позвоните в приёмное, скажите, что я подъеду как консультант по вашему обращению. С врачом согласую на месте.

— Хорошо. Его зовут Антон.

Ирина поставила на стол две чашки. Инга закончила разговор и потянулась за сумкой.

— В больницу?

— Да. Человека уже везут. Нужно уточнить, с чем он работал.

Мать завернула два куска запеканки в контейнер.

— Это потом. Сейчас не ешь на ходу.

— Мам, я ещё вернусь.

— Тогда в холодильник поставишь.

*

У приёмного отделения стояла машина скорой. Из открытых задних дверей тянуло нагретой резиной и резким запахом обработки. Пока Инга поднялась на крыльцо, каталку уже увезли внутрь.

В коридоре сменили линолеум, но подоконник остался прежний — широкий, с выемкой у рамы. Когда-то Инга сидела здесь с ушибленным локтем и смотрела, как отец держит её куртку на двух пальцах. Теперь на подоконнике лежала пустая упаковка от бахил.

Дежурная медсестра попросила подождать. Инга назвала специальность и причину приезда, показала документы. Ни знакомая фамилия, ни то, что её мать всю жизнь прожила в городе, не сделали ожидание короче.

Врач вышла через несколько минут. Невысокая, плотная, с туго убранными волосами, она держала ручку в ладони, а не в кармане.

— Раиса Борисовна Шелестова, инфекционист. Вы Мельникова?

— Профпатолог. Меня попросила фельдшер здравпункта помочь уточнить производственный анамнез. Если это сейчас возможно.

— Коротко. Он устаёт. Мы его госпитализируем, есть признаки повреждения почек. Причину ещё уточняем.

— Какие сведения о работе уже есть?

— Откачка после подтопления. Больше пока ничего надёжного. Сначала говорят «всю неделю», потом оказывается — два вечера и ещё когда-то. Если сможете разделить дни, будет полезно. Но не ценой осмотра и лечения.

Она пропустила Ингу в небольшую смотровую. Антон лежал на каталке, подложив правую руку под край больничной подушки. Из-за этого плечо было приподнято, и вся поза выглядела неудобной. Лицо раскраснелось; мокрые волосы прилипли ко лбу. На стуле стоял пакет с его курткой.

Медсестра закрепляла венозный катетер. Антон старался не шевелиться, но ноги под простынёй время от времени напрягались.

— Так больнее? — спросила Шелестова.

— Когда двигаю. И так тоже. Будто отработал за троих, только я не отработал.

— Когда началось?

— Вчера. Утром ещё ничего. После обеда знобить стало.

Он ответил врачу, затем посмотрел на Ингу.

— Вы с завода?

— Нет. Врач по профессиональным заболеваниям. Фельдшер попросила меня помочь уточнить вашу работу после подтопления. Можно задать несколько вопросов? Если устанете, остановимся.

— Можно. Только смену мне кто-нибудь закроет? Я мастеру написал, он ещё не прочёл.

— О госпитализации сможете сообщить. Все медицинские сведения ему для этого не нужны.

— Да мне не сведения. Чтоб человека нашли.

Телефон лежал на груди экраном вниз. Антон перевернул его, прищурился.

— Зарядки нет. У шкафа оставил, белую. У меня там шнур длинный, здесь до розетки бы…

Медсестра показала на полку возле двери.

— Найдём подходящий. Телефон пока положите, нам руку освободить надо.

Он протянул его Инге.

— Только не выключайте.

Она поставила беззвучный режим с его разрешения и положила телефон рядом, чтобы он видел экран. На нём осталось неотправленное сообщение: «Я в больнице, сегодня не выйду».

Антон попросил нажать отправку. Ни названия болезни, ни объяснения, откуда она могла взяться, в сообщении не было.

Шелестова продолжила осмотр. Инга отошла к стене, не занимая место медсестры. Вопросы были короткими: лекарства, рвота, питьё, боль в пояснице, сколько раз мочился с вечера. Антон назвал обезболивающее, которое принял дома, и попытался вспомнить, пил ли вторую таблетку ночью.

— Упаковку кто-нибудь сможет посмотреть? — спросила врач.

— Сестра. Она после десяти проснётся, с ночи.

— Позже уточним. Сейчас не надо её будить ради названия, вы главное сказали.

Первые срочные результаты принесли, пока Шелестова записывала осмотр. Она сверила фамилию и дату рождения, задержалась на показателях функции почек, затем позвонила коллеге. Инга слышала только её часть разговора: уменьшение диуреза, нарастание азотистых показателей, необходимость наблюдения и повторного контроля электролитов. Врач не говорила «после паводка» вместо описания состояния.

Антон повернулся к Инге:

— Я надолго?

Шелестова убрала телефон.

— Сейчас важнее, как будут работать почки в ближайшие часы. Домой сегодня нельзя. Обследование и лечение начинаем здесь.

— Мне бы сестре сказать, что брать.

— Это скажем. И куда передать.

Инга увидела, как он немного расслабил руку. У неопределённого «надолго» появилось хотя бы одно понятное действие.

*

Для беседы осталось несколько минут перед переводом в отделение. Медсестра готовила подписанные пробирки и сверяла назначения. Инга придвинула стул к каталке, но блокнот держала ниже, не между собой и Антоном.

— Когда работали с паводковой водой?

— Двадцать третьего точно. И двадцать четвёртого. Там внизу насос ставили.

— Вы ставили?

— Электрическую часть смотрел. Потом рукава таскали, вещи наверх. Всё сразу было.

— В воде стояли?

— Стоял. Сапоги дали, но сверху зачерпнул. Переобулся потом.

— На сколько времени оставались мокрые?

Он закрыл глаза, считая.

— Не знаю. Часа два? Я не засекал. Пока другие принесли.

— Хорошо. Примерно два часа, с ваших слов. Руки намокали?

— Конечно. Рукавицы выжимали.

На правой кисти между большим и указательным пальцами виднелась подсохшая трещина. Инга показала на неё, не касаясь.

— Это было до работы?

— Уже было. Изоляцию когда снимаешь, цепляет. Не этим порезался, раньше.

— Лицо забрызгивало?

— Наверное. Не помню.

Она оставила этот ответ неопределённым.

Антон говорил охотнее о том, что умел: где было отключено питание, зачем пришлось переставлять насос, почему нельзя было просто протянуть кабель через проход. В этих объяснениях он ненадолго переставал быть человеком на каталке. Голос становился увереннее, хотя после каждой длинной фразы приходилось сглатывать.

— Матвей Григорьевич тогда машину достал, — сказал он. — Мы бы сами до ночи таскали. Там щитовая ещё сухая оставалась. Он людей собрал, успели.

— Матвей Григорьевич — это кто?

— Сухов. Хозяйственно-транспортный. Его тут все знают.

Инга знала фамилию, но не стала уточнять знакомство.

— После двадцать четвёртого с водой работали?

— Потом уже обычная смена.

— Совсем без воды?

Он открыл глаза.

— Ещё помогал. Там ничего особенного.

— Что делали?

— Убирали. Не помню сейчас, какой день. После своей смены оставался.

— Сколько раз?

— Не знаю. Раз… Может, два. Вы потом спросите, я по телефону посмотрю.

Он подвинулся, пытаясь достать телефон, и сразу остановился из-за боли в ногах.

— Сейчас не нужно, — сказала Инга. — Оставим вопрос.

В записи появились отдельные строки: два названных дня; мокрая обувь; повреждение кожи; последующие работы без уточнённых дат. Она не объединила их словом «откачка».

— До болезни за город ездили? На дачу, рыбалку?

— Дачу нашу тоже залило. Я не ездил, сестра была. Рыбалка в марте последний раз.

— В реку, канавы, колодец спускались где-нибудь ещё?

— Нет. Только завод.

— Дома воду какую пьёте?

— Из крана. Кипятим. Иногда так.

— Животные дома есть?

— Кошка. Она на улицу не выходит. Только в подъезд может, если дверь не закрыть.

Инга спросила о подвале дома, уборке сараев, поездках за последние недели, о заболевших рядом. Антон вспомнил кашлявшего напарника, потом сказал, что тот кашляет давно, и сам попросил это не записывать «как будто тоже заболел».

— Я запишу ровно то, что вы знаете.

Сестра, с его слов, чувствовала себя нормально. О других участниках помощи он ничего определённого сказать не мог.

Медсестра подошла с подготовленными пробирками. Инга отодвинула стул. Пока брали кровь, Антон смотрел в противоположную сторону, на шкаф с расходными материалами.

— Сестре только без паники скажите, если позвонит, — попросил он.

— Кого можно уведомить и в каком объёме, сейчас уточнят, — сказала Шелестова. — Но тяжесть состояния скрывать от вас не будем.

— От меня не надо.

Кровь для ранних исследований успели взять до начала антибактериальной терапии. Время взятия отметили рядом с направлением, время введения препарата — отдельно в листе назначений. Остальные необходимые действия не стали задерживать ради образца, который пока не удавалось получить. Инга видела, как медсестра ещё раз сопоставила подписи на пробирках с данными Антона, и лишь после этого вернулась к врачу со своими записями.

Они вышли за дверь смотровой.

— Два дня откачки подтверждает по памяти, — сказала Инга. — Позже были ещё какие-то работы. Он не считает их отдельным заданием, даты сейчас не восстановил. Мокрые рукавицы и сапоги, трещина кожи была раньше. Других существенных контактов пока не назвал. Полный маршрут я не получила.

Шелестова прочла записи.

— Это полезнее, чем «работал на паводке неделю».

— Лептоспироз рассматриваете?

— Да. Лихорадка, выраженные миалгии, почки, контакт с загрязнённой водой — основания есть. Но пока это версия. Проверяем и другие причины, в том числе геморрагическую лихорадку с почечным синдромом. По лекарствам ещё уточняем. Здесь нельзя выбрать одно слово и перестать смотреть на остальное.

— Согласна.

— Если по работе появятся дополнения, передавайте сюда. Не заставляйте его вспоминать всё сегодня.

Из смотровой позвали врача. Каталку уже готовили к переводу. Антон приподнял телефон на несколько сантиметров:

— Прочитал мастер. Нашли замену.

— Хорошо, — сказала Инга.

— Зарядку всё равно надо.

Медсестра положила рядом подходящий кабель.

— Эту потом вернёте на пост.

Антон взял провод, проверил разъём и больше ничего не спросил.

*

Заводской фельдшер ждала в коридоре у лестницы. На ней была куртка поверх медицинской одежды; в руках она держала лист передачи сведений, сложенный так, чтобы не было видно фамилии.

— Успели поговорить?

— Коротко. Даты последующих работ будем уточнять позже.

— Он утром всё говорил: отлежусь. Потом встал со стула и чуть не сел мимо. Я уже вызвала.

— Правильно сделали.

Фельдшер помолчала.

— У нас ещё с температурой были. Не такие. Один вчера звонил, сегодня жена другого. Оба помогали после воды. Я сказала обращаться, но они спрашивают, куда именно. В поликлинике сейчас дежурный приём.

Инга отошла с ней от прохода, где остановилась женщина с детской коляской.

— Сколько человек вы сами видели?

— Одного. Остальные по телефону. Я не могу сказать, что у всех то же самое.

— И не надо. Кто сейчас с высокой температурой, выраженной слабостью, сильной болью, уменьшением мочи — срочно на оценку, при тяжёлом состоянии через скорую. По остальным свяжитесь с дежурным врачом, чтобы людей приняли с учётом контакта с водой. Не ждите, пока соберутся все.

— Администрация просит фамилии. И написать, что с ними.

— Для организации работы достаточно необходимых сведений об отсутствии. Медицинские записи полным списком туда не отправляйте. С больницей и эпидемиологической службой обмен идёт по своим основаниям.

Фельдшер посмотрела на сложенный лист.

— Я этот врачу привезла. В дирекцию не копировала.

Шелестова вышла к ним после перевода Антона. Выслушала сообщение о других обращениях и попросила передать то, что уже известно, отдельно от пересказов. Не снимать с учёта лёгкие случаи, но и не обозначать их общим диагнозом. По Антону больница уже оформляла извещение о подозрении на инфекционное заболевание; дополнительные сведения о возможной группе требовалось сообщить уполномоченной службе.

— С Хабировым свяжемся, — сказала она. — Тимур Ильич ведёт эпидемиологическую часть. Уточнение маршрутов будем согласовывать с ним. Но пациентов сначала смотрят врачи, а не список.

Инга оставила рабочий номер. Нового договора у центра не было; сегодняшняя помощь не давала ей доступа ко всем историям болезни и не делала руководителем проверки. Это пришлось проговорить только однажды, когда фельдшер спросила, можно ли теперь направлять всё ей.

— Медицинское — лечащим. Я помогу с условиями работы. Не нужно делать ещё один обязательный круг через мой телефон.

На улице солнце успело прогреть деревянную скамью у входа. Инга села, поставила сумку рядом и позвонила Павлу. Рассказала о тяжёлой лихорадке после водного контакта, других сообщениях и необходимости восстанавливать работы, не называя пациентов.

— Тебе нужен наш выезд? — спросил он.

— Возможно, ограниченный. Сначала надо понять объём и согласовать участие. Микробиология не наша, водные коммуникации — с профильным инженером. Не снимай людей с текущих заданий.

— И не собирался. Завтра у приборов обслуживание. Посмотрю, кто сможет подключиться после него. По прежнему делу координатор на месте, замещение работает.

— Я видела твоё сообщение.

— Только сообщение или все приложения?

— Сообщение.

— Хороший результат поездки. Уже можно считать.

Инга улыбнулась.

— Поеду к матери. Потом свяжусь с Хабировым.

— Поешь сначала.

— У вас с ней общий план?

— Нет. Независимое совпадение рекомендаций.

Дома Ирина чистила яблоки для компота. На столе стоял контейнер: Инга так и не взяла его из прихожей, когда уходила. Мать не стала спрашивать, почему.

— Картошку греть?

— Немного.

— Человек в больнице?

— Да. Помощь начали.

Ирина отодвинула яблочную кожуру от края доски.

— До понедельника освободишься?

— Не знаю. Архив не отменяю. Но, возможно, придётся время уточнить.

— Мне самой туда позвонить?

Инга едва не ответила, что всё сделает. Посмотрела на материны руки: тонкая полоска кожуры обвивалась вокруг пальца, нож шёл медленно, без лишнего нажима.

— Пока время оставим. Если потребуется перенести, позвонишь?

— Позвоню. Номер на холодильнике.

Она поставила перед дочерью тарелку, себе налила чай. Сели рядом, не напротив: на другой половине стола лежали яблоки.

Инга рассказала про мальчиков с диванной подушкой и про автобус. Ирина объяснила, в какие дома вода пришла через подвалы, а где поднялась только во дворах. Назвала женщину, которой Сухов привёз насос; та потом два дня искала, кому его возвращать.

— Он и зимой помогал, — сказала мать. — У соседки трубу прихватило. Не сам чинил, людей нашёл.

— Сегодня о нём тоже говорили.

— Матвей умеет. Только все потом ему звонят, будто у него одних рук десять.

За окном хлопнула балконная дверь. Снизу кто-то попросил не вешать мокрое над открытым окном. Ирина встала посмотреть, не задевает ли одеяло стену в комнате.

Телефон Инги зазвонил, когда она уже убрала тарелку. Фельдшер сообщила, что связалась с дежурным приёмом и передала сведения Шелестовой. Затем спросила:

— Вам на завод сегодня обязательно? Я могу пока уточнить даты у тех, кто сейчас на месте.

— Уточните, какие работы идут. Не только фамилии.

— Сейчас уже почти ничего. Воду убрали, паводковые закрыли. Осталось прибрать.

— Что именно?

— Тележки, поддоны. Проходы отмывают. Я поэтому и спрашиваю: может, у них там сразу узнать?

Инга перестала вытирать чашку.

— Моют сегодня?

— Да. Я когда уходила, ещё мыли.

— Водой откуда?

— Говорят, техническая. Я источник не проверяла.

— Кто отвечает за эту работу?

— Матвей Григорьевич должен знать.

Инга записала время звонка. Попросила фельдшера не идти к работающим только ради опроса и связать её с ответственным руководителем. Потом набрала Шелестову, передала новое обстоятельство и получила контакт Хабирова. В разговоре с эпидемиологом пришлось начать заново: что установлено лично, что известно от медика, чего пока никто из них не видел.

— Диагноз ещё не подтверждён, — сказала Инга. — Но контакт с непроверенной водой, по сообщению здравпункта, продолжается. Восстановительная ручная мойка.

Хабиров уточнил адрес и способ связи с предприятием.

— Сегодня это надо прекращать до выяснения. Я свяжусь по своей линии. Вы сможете подъехать и уточнить, кто организует и что именно делают?

— Смогу. При условии безопасного доступа. В рабочую зону людей ради показа не поведём.

Когда она закончила, Ирина уже достала её куртку.

— В архив сегодня всё равно не пойдёшь, — сказала мать. — А там ещё работают.

Инга взяла сумку. На кухне осталась недопитая чашка; мать поставила на неё блюдце. До вечера было ещё далеко.

Глава 2. После спасения

У проходной мужчина в расстёгнутой куртке пытался просунуть через окошко два пропуска сразу.

— Один мой. Второй сдать просили.

Охранница вернула ему оба.

— Сначала свой приложите. Потом чужой сдавайте. Вы мне считыватель руками закрыли.

Инга подождала за жёлтой чертой. Новая краска легла поверх старой, и из-под неё выступали неровные белые края. В детстве она стояла здесь с матерью, когда отец задерживался после смены; теперь окошко перенесли на другую сторону, а место ожидания осталось примерно тем же.

Елена Даниловна Воронцова вышла из внутренней двери с телефоном у уха. Невысокая, с тяжёлой тёмной косой, уложенной на затылке, она несла под мышкой каску и тонкую папку.

— Не ставьте у мокрой стены. Поддоны выше не поднимут влажность воздуха, — сказала она в телефон. — В сухой пролёт. Место там есть, я утром смотрела.

Она убрала телефон и протянула Инге руку.

— Вас ждут. Из службы уже связались. До мойки пройдём по верхнему двору, вниз пока не надо.

— Я туда и не собиралась без подготовленного допуска.

— Хорошо. А то мне успели сказать, что вы приехали обследовать подвал.

Воронцова не улыбнулась, но в голосе не было упрёка. Она поставила папку на край стойки, подписала лист для проходной. Инге выдали каску и жилет, показали маршрут на схеме. Здравпункт сообщил её фамилию, но разрешение на вход пришлось оформить здесь, при ней.

За проходной пахло нагретой кровлей и влажным картоном. Из открытых ворот доносился ровный гул, поверх него — короткий скрежет роликов. Воронцова повела Ингу вдоль ограждения, не через погрузочную площадку. На низкой стене тянулась полоса засохшего ила. Выше неё побелка сохранилась; ниже была счищена широкими мазками.

— До дверей электрощитовой не дошло сантиметров восемь, — сказала директор. — Внутрь вас не веду. Электрики осмотрели, проверки сделали, питание возвращали по участкам. Не просто включили, как вода ушла.

За ограждением рабочий подал знак машинисту погрузчика. Тот дождался, пока освободят проход, и только после этого вывез связку упакованных плит. Привычная, неторопливая работа на сухом бетоне выглядела здесь почти неправдоподобно. В нескольких метрах от неё на перилах сохла снятая с дверей ветошь.

— Этот склад тоже удержали, — продолжала Воронцова. — В нижнем кое-что намокло, отдельно разбираем. Но здесь запас остался. Если бы щитовую залило, и этот выпуск сейчас бы не шёл.

У боковой двери стояли трое. Один мужчина сидел на перевёрнутом пустом ящике и стягивал ботинок, придерживая язык пальцами. Рядом коренастый седоватый человек в рабочей куртке проверял что-то на телефоне.

— Сорок третий есть, — сказал он сидящему. — Только не эти бери, эти с железом в носке, тебе велики будут. На складе ещё пара. Я попросил отложить.

— Мне бы мои досушить.

— Досушишь. На мокрые опять наденешь — к вечеру вообще не снимешь.

Он поднял голову.

— Елена Даниловна, машину после семи не отпускайте. Нижний автобус сегодня опять к школе пойдёт. У нас двое оттуда, после смены с вещами не дойдут.

— Передайте диспетчеру заявку, не через меня.

— Уже передал. Вам говорю, чтоб под отгрузку не забрали.

Только теперь он повернулся к Инге.

— Матвей Григорьевич Сухов.

Рука у него была тёплая, сухая, с коротко обрезанными ногтями. Инга назвала себя. Он задержал взгляд на её лице.

— Николая Сергеевича дочь?

— Да.

— Помню, с Ириной Петровной приходили. Вы тогда…

Он не закончил. Посмотрел на каску у неё в руках и кивнул уже иначе, без попытки вернуть её в прежний возраст.

— Вам на мойку. Пойдёмте.

Сидящий мужчина поднял ботинок, выпуская из него стельку.

— Матвей Григорьевич, а на благодарность в сменной обуви пустят?

— Если чистая, пустят. В твоей нынешней только с отдельным местом в зале.

Мужчина засмеялся. Сухов придержал ему дверь, чтобы тот мог пройти в носках по сухому порогу.

— От смен поступило представление, — объяснила Воронцова, когда они отошли. — По тем дням, когда воду держали. Матвея Григорьевича собираются наградить. Люди сами написали.

— Не одного меня, — сказал Сухов. — Там список.

— В нём вы первый.

Он махнул рукой, но Инга видела, что разговор ему приятен. И видела щитовую, до которой вода не дошла. Ей не требовалось выбирать, что из этого считать настоящим.

— Какие работы идут сейчас? — спросила она.

— Основные закончили, — ответила Воронцова. — Осталось прибрать.

— Что именно осталось?

Сухов обернулся на ходу.

— Тележки, несколько поддонов. Проход у хозяйственного. Грязь после воды присохла, сама не отвалится.

— Это отдельное задание на сегодня?

— Это окончание того же.

Директор посмотрела на него, затем на Ингу.

— Сейчас на месте уточним.

* * *

До мойки они дошли через наружную галерею. Сухая пешеходная полоса была отделена от рабочей зоны низким ограждением. За ним стояли четыре тележки с решётчатыми бортами. На одной уже лежала белая карточка, прижатая металлической шайбой. Остальные темнели у колёс.

Вода шла из шланга без сильного напора, но, ударяясь о спицы и нижнюю раму, разлеталась мелкими брызгами. Рабочий в резиновом фартуке придерживал колесо рукавицей, другой длинной щёткой тёр поперечину. Шланг лежал поперёк мокрой полосы и уходил за перегородку. Откуда он был запитан, с галереи не было видно.

— Перекройте пока, — сказал Сухов.

Рабочий закрыл кран на конце шланга. Вода ещё стекала с решётки, дробно стуча по металлическому настилу. Он положил шланг, выпрямился и потянул рукавицу за пальцы. Та не снялась с первого раза.

Инга осталась за ограждением.

— Вы давно здесь сегодня?

— После обеда. До этого по своему.

— Что значит «по своему»?

— Я на упаковке. Там закончили, сюда пришёл.

Сухов показал на вымытые тележки:

— Их обратно надо. Без них на следующем участке начнут ждать.

На рукаве рабочего расползалось тёмное пятно. Он наконец снял рукавицу и сунул пальцы под край фартука, вытирая их о брюки.

— Кожа целая? — спросила Инга.

Он показал ладонь издали.

— Да вроде. У ногтя вот. Это не сегодня.

— Позже зайдите в здравпункт. Сейчас не нужно ничего мне показывать через ограждение.

Второй рабочий опёр щётку о борт.

— Мы не из-за воды руки режем. Колёса закисают, пока провернёшь…

— Я спрашиваю о контакте воды с кожей. Не о том, чем вы порезались.

Он кивнул. На настиле под щёткой собралась грязная пена. Инга почувствовала, как холод от бетона проходит через подошвы, хотя стояла в сухом месте. Рабочие были здесь не первую минуту и двигались уже с той экономией, которую легко принять за отсутствие усталости.

— Откуда подача? — спросила она.

— Техническая, — ответил Сухов. — Не питьевая.

— Какая точка?

— Тут временно. Обычная у них после воды не работала.

— Кто согласовал эту воду для ручной мойки?

— Для тележек. Люди её не пьют.

Рабочий взялся за шланг.

— Вот смотрите, она чистая идёт. Первую грязь мы уже…

— Не открывайте, — сказала Инга.

Он остановился с рукой на кране.

— Мне не нужно смотреть струю ещё раз. Цвет воды мы видим. Для ответа этого недостаточно.

Сухов отвёл взгляд к вымытой тележке.

— Мы тут не купаемся. Осталось-то на час.

— Что было в воде до подачи сюда?

— Я сейчас не дам вам лабораторный состав.

— Я пока спрашиваю происхождение. Есть схема временной подачи? Запись, откуда брали?

— У технических надо поднять. На месте всё делали.

Воронцова положила ладонь на ограждение.

— Матвей Григорьевич, кто отвечает именно за сегодняшнюю мойку?

— Я здесь смотрю.

— Распоряжение на этот этап есть?

— Паводковые работы закрыли. Это уже уборка.

Слово повисло между ними. За перегородкой кто-то протащил пустой поддон, и шум дерева на бетоне оказался громче их разговора.

Инга достала телефон. Хабиров ответил не сразу; она успела записать время и место. Сказала, что видела сама: ручная мойка тележек, брызги на одежде, намокшие рукавицы, вре-

менная подача без предъявленных сведений об источнике. Ниже по списку отдельно назвала то, что слышала от Сухова.

— Ответственный руководитель рядом? — спросил он.

Инга передала телефон Воронцовой. Та отошла на несколько шагов, чтобы не стоять над рабочими.

Мужчина со щёткой посмотрел на Сухова.

— Нам заканчивать или как?

— Подождём, — сказал тот.

— Тележку только эту домыть. Иначе завтра…

— Не надо заканчивать мокрую часть, — вмешалась Инга. — Вы уже остановили подачу. Сейчас решается порядок дальше.

— У нас всё время «сейчас решается». А потом мастеру скажут, что не успели.

В этом не было вызова. Мужчина говорил негромко, рассматривая отмокшую щетину на щётке.

— Время остановки запишут, — сказала Инга. — Не как вашу недоделку.

Воронцова вернулась и отдала телефон.

— Ручную мойку этой водой прекращаем. Все такие места, не только эти тележки. До выяснения источника и условий использования.

Сухов вдохнул, будто собирался возразить, но спросил другое:

— Готовые убрать?

— Пока оставить в выделенной зоне, — сказала директор. — Не отправлять в работу до согласования порядка. Кого поставить на подачу, чтобы её не открыли?

Сухов назвал дежурного мастера и сразу набрал его.

Инга ещё раз приложила телефон к уху.

— Тимур Ильич, распоряжение дано. Подача на месте закрыта. Нужны письменные меры и порядок обследования. Мы систему не прослеживали.

— Сейчас направлю. Не промывать, не опорожнять ради уборки, не разбирать временные соединения без согласования. Если возникнет техническая опасность — устранять с фиксацией, не ждать нас ради сохранения картины.

Она повторила существенное Воронцовой.

Директор вызвала специалиста по охране труда и потребовала подготовить распоряжение с сегодняшней датой. Потом обратилась к рабочим:

— По оплате сейчас не обещаю того, чего не посмотрели. Но остановку по моему указанию отмечаем. Дальше мастер даст сухие задания в пределах вашей работы. Сначала переодеться.

Мужчина снял фартук, держа его подальше от брюк.

— Сухое-то где?

— В бытовой, — сказал Сухов. — Я принесу, что есть. И рукавицы эти не в шкаф к чистым.

Он пошёл к выходу, уже звоня на склад. Инга смотрела, как второй рабочий вытаскивает из кармана фартука телефон, завёрнутый в прозрачный пакет. Пакет снаружи был мокрым. Рабочий не положил его на чистую скамью, а остался держать в руке.

* * *

В маленькой комнате рядом с диспетчерской было жарко. Под окном ещё работал обогреватель; на стуле возле него сушилась папка с волнистыми краями. Заводской фельдшер убрала её на подоконник, освобождая место Инге.

На экране ноутбука появился Хабиров. Он сидел перед светлой стеной, без видимого кабинета за спиной, и сначала попросил закрыть дверь: из коридора доносились фамилии и номера машин.

Воронцова села напротив.

— Мы прекратили. Мне теперь нужно понять границы. Производство работает, воду в столовой используют, город уже звонит. Что я могу сказать?

— Что выявлены заболевания, причины уточняются, непроверенная восстановительная мойка остановлена, — ответил Хабиров. — Питьевое снабжение рассматриваем отдельно. Данных для общей оценки города из этой беседы нет.

— Но оснований считать опасной всю воду тоже нет?

— Это не одно и то же.

Директор повернулась к Инге.

— Вы могли бы дать короткое предварительное заключение? Чтобы люди не решили, будто завтра нельзя открыть кран.

Инга подвинула к себе чистый лист.

— О безопасности городской воды — нет. Я не исследовала её и не уполномочена давать такую оценку. Для сообщения можно указать, какая работа остановлена. Без распространения на то, что мы не проверяли.

— Люди прочтут слово «заболевания», остальное не дочитают.

— Тогда не ставьте рядом слово «заражение» как установленную причину.

Фельдшер достала свой телефон.

— Мне уже спрашивали, кто именно. Из отдела кадров.

— Списка пациентов для стенда или общей рассылки не будет, — сказала Инга. — Для срочного обращения людям нужны признаки, на которые обратить внимание, и куда идти. Если высокая температура, выраженная боль в мышцах, мало мочи — не ждать конца смены и нашего опроса. Памятку согласуем с больницей.

— Шелестова пришлёт, — подтвердил Хабиров. — Клиническую часть ведёт она с коллегами. Сведения для эпидемиологического выяснения будем получать по установленному порядку. Нам нужны не только заболевшие, но и те, кто работал без жалоб. И не только в первый день воды.

Сухов вошёл с двумя листами. Положил их перед директором, остался стоять.

— Дежурный мастер принял. На подаче выставили запрет, места мойки обошёл. Других работающих сейчас нет. Вот фамилия, вот номер.

Воронцова сверила запись на телефоне с часами на стене. В распоряжении появились дата — второе мая — и точное время прекращения. Дежурного мастера назначили ответственным за недопуск к прежней мойке, техническую службу — за сохранение состояния подачи и безопасное содержание участка до обследования. На оставленные тележки велели повесить отдельные обозначения. Для следующей смены требовалось личное подтверждение при приёме.

— Шланги убрать хотя бы с прохода? — спросил Сухов.

— Проход перекрыть и дать обход, — ответила директор. — Как переносить без промывки и разборки, согласуете с техническими и со службой. Не тащить сейчас через весь двор.

Хабиров попросил передать ему копию.

— Это ещё не означает, что вы нашли источник и исключили его инженерно. Сейчас остановлен контакт. Дальше нужно разобраться в подаче, отобрать материалы, если будут основания, и определить меры.

— Кто будет отбирать? — спросила Воронцова. — Ваш центр?

— Не наш, — сказала Инга. — Микробиологические исследования выполняют профильные специалисты. Инженерное прослеживание — тоже отдельная работа. Мы можем помочь восстановить профессиональные маршруты, условия контакта. Согласуем объём с вашей организацией и службой, чтобы не опрашивать людей по три раза об одном.

Фельдшер опустила ручку.

— Мне сегодня ещё обзвон делать. Если всё через здравпункт, я не успею и принимать.

— Не всё через вас, — сказал Хабиров. — Сейчас определим, что нужно срочно. Производственные документы собирает предприятие. Медицинские обращения вы не откладываете ради списков.

Инга заметила, как фельдшер выдохнула. До этого та сидела прямо, будто любое изменение позы означало согласие ещё на одну обязанность.

В дверь постучали. Мастер передал лист с сухими заданиями: комплектование чистой тары на верхнем складе, подготовка упаковки в действующем пролёте. Один из мойщиков уже ушёл переодеваться, второго ожидала собственная сменная работа. Для третьего подходящего задания пока не нашли.

— Его домой отправлять? — спросил мастер.

Воронцова перечитала лист.

— Пока не отправляйте как закончившего по своей воле. Уточните у кадров основание его сегодняшнего выхода. Я решу отдельно. На мокрое место не возвращать.

— Он спрашивает, часы будут?

— Пусть вопрос запишут. И время, когда прекратили по распоряжению.

Сухов потёр ладонью затылок.

— Мы ему обещали, что не обидим.

— Сейчас ему нужны не эти слова, — сказала директор.

Она произнесла это устало, не глядя на Ингу. Возможно, так же отвечала утром поставщику или перевозчику. Но Сухов убрал руку и больше не возражал.

Хабиров назначил время следующей связи, уточнил адрес для официальных материалов. Инга записала только свою часть. На экране его лицо на секунду застыло, затем связь восстановилась; он повторил последний вопрос без раздражения.

Когда ноутбук закрыли, в комнате стало слышно, как щёлкает термостат обогревателя. Воронцова выключила его.

— Здесь уже сухо. Забыли.

* * *

Кабинет Сухова находился за гаражами. По дороге он дважды останавливался: одному водителю показал, где объехать размытую кромку, другому напомнил про людей после семи. Из маленького окна конторы ему крикнули, что сухую обувь нашли. Он поднял большой палец, не оборачиваясь.

В кабинете на шкафу стояли электрический чайник и коробка с одноразовыми ложками. Под столом лежали два свёрнутых одеяла в пакетах. Сухов убрал со стула бухту удлинителя и предложил Инге сесть.

— Чаю?

— Воды, если есть питьевая.

Он посмотрел на неё, пытаясь понять, шутит ли она, затем достал из закрытой упаковки бутылку.

— Есть. Не всё же у нас без происхождения.

Инга отвинтила крышку. Спорить с этим не требовалось.

Сухов открыл нижний ящик. Папки в нём стояли тесно, и одну пришлось вытаскивать, придерживая соседние коленом. Он положил на стол тетрадь в клетку и несколько скреплённых листов.

— Вот кто приходил. Я сразу записывал, потом по машинам сверял.

В тетради были даты первых дней, фамилии, время подачи насоса, номера машин. На полях — короткие пометки: «обед привезли», «двое до утра», «ключ у охраны». Возле склада стояло подчёркнутое «сухой». Строки писались в разное время и разными ручками; некоторые фамилии добавили сверху, с тонкими стрелками.

Инга перелистнула на следующую страницу. Там был обратный рейс машины и возврат переносного освещения.

— Можно копии этих страниц?

— Для этого и достал.

— Оригинал останется у вас. Скопируем развороты целиком, с датами.

Сухов положил рядом второй документ.

— А это уже на благодарность. Здесь нормально напечатано.

На первом листе стоял заголовок о помощи при ликвидации последствий подтопления. Дальше шли фамилии и короткие описания: откачка, перенос имущества, доставка оборудования. Свою фамилию Сухов не выделил, но напротив неё перечислили больше остальных.

— Кто составлял?

— По моему журналу. Потом смены добавляли. Директору передали, в город тоже надо.

— Этот список составлен для награждения?

— Для благодарности. Не всем награды, кому грамота, кому письмо. А вам разве не эти люди нужны?

— Эти тоже. Мне ещё надо понять, кто выполнял работы после откачки.

— Кто был свободен, тот и помогал.

— Это здесь отражено?

Он посмотрел на лист, как будто вопрос касался качества печати.

— По каждому ведру не запишешь.

— Мне не нужны вёдра. Нужны люди и дни.

За стеной завели двигатель. Стекло в шкафу мелко задрожало, затем дрожь прекратилась.

Сухов сел.

— Вы видели щитовую?

— Видела снаружи.

— Туда утром вода шла. Не в отчёте, ногами чувствуешь — поднимается. Я машину с другого конца города снял, насос привезли. Ребята остались. Никто не спрашивал, как это потом назвать.

Он говорил без нажима, почти сердито на саму необходимость рассказывать.

— И хорошо, что вы успели, — сказала Инга.

— А сейчас выходит — остановили, опечатали, людей по врачам.

— Сейчас человек в больнице. Причину его болезни ещё устанавливают. Работа с непроверенной водой шла сегодня. Одно не отменяет другого.

— Я не отказываюсь помогать.

— Тогда сохраним журнал в том виде, как он есть. Если будете дополнять — отдельными записями, с сегодняшней датой. Не в старые строки.

Он некоторое время смотрел на открытый разворот, потом встал к копировальному аппарату.

Первый лист вышел с обрезанным краем. Сухов выругался вполголоса, повернул тетрадь и сделал заново. Инга попросила оставить на копии номер страницы. Он подложил чистый лист под соседний разворот, чтобы тот не давал тени.

Когда копии были готовы, она сверила их при нём. Написала в рабочей записи: журнал первых дней помощи, наградной список, предоставлены Суховым. О полноте сведений ничего не добавила.

Воронцова позвонила, пока они собирали бумаги.

— По центру я готова оформить ограниченное задание, — сказала она. — Пришлите, что именно и за какую сумму. Не весь комбинат обследовать задним числом.

— Объём подготовим с коллегами. Отдельно производственные маршруты, отдельно работы партнёров. Медицинские сведения не станут приложением к договору.

— Это я поняла. Юристу направьте. И сроки, пожалуйста.

— После согласования с исполнителями. Сегодня могу прислать перечень вопросов.

Воронцова помолчала.

— Вы ведь ещё по отцу приехали?

Инга посмотрела на закрытую тетрадь Сухова.

— Да. По семейному запросу в муниципальный архив. Это отдельная работа и отдельные расходы.

— Я не предлагаю смешивать. Просто чтобы потом не выяснилось, что мы оплатили не то.

— В задании будет ясно указано.

Она закончила разговор и отправила Софье короткое сообщение о предложении директора. Ни суммы, ни обещанного срока от имени центра не дала.

Сухов проводил её до угла гаражей.

— Дальше сами найдёте?

— Найду.

— Здесь теперь другой выход. Прямо не ходите, там низина.

Он показал на верхний проход и вернулся в контору. Инга пошла по указанному пути.

У мойки уже стояло переносное ограждение. Тележки остались на месте, на ближайшей висел лист с запретом использования до решения ответственного. Мастер показывал сменщику закрытую подачу и что-то отмечал в журнале. Вода больше не стучала по настилу; слышно было только, как за стеной работал действующий участок.

Из бытовой вышел мужчина с пакетом. Внутри темнели мокрые рукавицы и старая футболка. Он остановился у ограждения, позвал мастера:

— Термос там, на верхней полке. Подадите? Я за ленту не полезу.

Мастер достал термос с сухой стороны и передал ему. Мужчина проверил крышку, сунул его в другой пакет и пошёл к проходной.

На стенде возле выхода висело объявление о благодарственном мероприятии. Внизу оставили место для времени, сверху уже напечатали: «Спасибо тем, кто помог сохранить работу комбината». Рядом охранница закрепляла копию нового распоряжения. У него были сегодняшняя дата, время запрета и фамилия ответственного.

Инга убрала полученные копии глубже в сумку, чтобы не загнулись углы. Список тех, кого собирались благодарить, был у неё. Кто ещё работал с водой, по этим листам пока нельзя было узнать.

Глава 3. Те, кто пришёл

Первый посетитель принёс табель, хотя его об этом не просили.

— Здесь у меня восьмёрка. А в списке написано, что добровольно. Это как считать?

Он положил лист перед Софьей, затем повернул к себе: на обороте были чужие фамилии и суммы.

Временную приёмную устроили в комнате обучения рядом с проходной. Из окна были видны автобусная остановка и ларёк с закрытой ставней. Сухов предлагал свой кабинет — там имелись копировальный аппарат и большой стол, — но здесь человек мог прийти, не проходя через хозяйственный участок. На двери повесили лист с часами бесед. Ни слова о диагнозах на нём не было.

Софья приехала утренней машиной. Шарф ещё лежал на спинке стула, дорожная сумка стояла под доской с выцветшей схемой строповки. До первого посетителя она успела подтвердить передачу двух срочных дел коллеге и снять со стены список прежней учебной группы: рядом с фамилиями были номера телефонов.

— Что вы делали в этот день? — спросила она.

— Из нижнего склада ящики вытаскивали. Потом рукав придерживал, пока насос работал.

— Кто сказал идти на склад?

— Начальник моего участка. Сказал: двоих оставляю здесь, остальные к Матвею Григорьевичу. Мы и пошли.

— Вы могли остаться на обычной работе?

Мужчина посмотрел на неё с недоумением.

— Мне другую дали. Как я останусь?

Инга попросила разрешения отдельно записать обстоятельства контакта с водой. Мужчина кивнул, но, когда она спросила про жалобы, оглянулся на дверь.

— Медицинскую часть можем обсудить вдвоём, — сказала она.

— Да нет, сейчас ничего. Только в общий лист это не надо.

— Не пойдёт.

Он назвал два дня, на третий не был уверен. Сапоги промокли сверху, когда переносили ящик через низкое место; потом он переобулся в бытовой. Инга уточнила, сколько времени оставался в мокрой одежде. Он прикинул по обеду и приезду машины, не по часам.

— Часа два. Может, больше. Вы же не запишете точно два?

— Запишу, как вы сказали.

Софья вернула ему табель.

— Слово в наградном списке не меняет того, что вы описали. Пока проверим распоряжение и учёт этого дня.

— Мне премию за помощь дали.

— Это тоже учтём. Она не отвечает сразу на все вопросы.

Следующим вошёл работник подрядной бригады. Он не сел, пока не убедился, что пришедший перед ним уже ушёл. На телефоне показал сообщение своего бригадира: время сбора, ворота, просьба взять запасные носки. Его фирма обслуживала оборудование, но после затопления их направили убирать проход к месту ремонта.

— Сухов нас встретил, показал, где мешает. А старший у нас свой был.

— Задание менял кто? — спросила Софья.

— Наш. Матвей сказал, что надо освободить, наш нас расставил.

В наградном списке стояла фамилия бригадира и рядом — «с бригадой». Остальных поимённо не было. Мужчина ткнул пальцем в строку.

— Если ему вручат, он хоть нам покажет. А если по этой бумаге искать, нас вроде и нет.

— Поэтому мы спрашиваем не только по ней, — сказала Инга.

Они согласовали, какие сообщения можно скопировать. Переписку дальше нужного дня Софья не листала. Мужчина сам сохранил выбранные фрагменты, отправил их с пояснением и убрал телефон.

Третий посетитель оказался моложе первых двух. Он работал в городе водителем и на комбинат пришёл вечером к брату. Тот попросил помочь вынести мокрые вещи из раздевалки.

— Я не устраиваться пришёл. Час побыл, домой ушёл.

— Кто на месте говорил, что делать?

— Брат сначала. Потом мужчина в жилете сказал эти мешки в кузов, сухие не мешать с мокрыми. Я имени не знаю.

Софья записала описание и остановилась.

— Мы не будем по жилету определять должность. Уточним, кто там был.

— А мне это зачем? Я денег не прошу.

— Чтобы ваше участие не исчезло из-за того, что вы не просите денег. И чтобы понять, нужна ли вам медицинская оценка после контакта, — сказала Инга. — Один вопрос: воду вы руками трогали?

— Мешки насквозь мокрые были. Но внизу я не ходил.

Он согласился оставить номер только для прямой связи. Брату о разговоре обещал сказать сам.

Когда дверь закрылась, Софья сняла очки и потёрла переносицу.

— Три человека. Уже три разных порядка.

— И ещё неизвестно, кто давал последнее задание.

— Зато «добровольцы» помещается в одну клетку.

Она перечеркнула слово в заголовке рабочего листа и написала: «Участники работ». Ниже оставила место для того, что каждый делал, кто его направлял и чем это можно подтвердить.

В коридоре ждали ещё двое. Инга приоткрыла дверь, назвала время следующей беседы. Женщина у окна спросила, обязательно ли сначала записываться у Сухова.

— Нет. Можно здесь.

— Тогда я после обеда. Сейчас мне смену сдавать.

Она не стала объяснять больше. Инга записала время на отдельном клочке и отдала ей.

* * *

К полудню в комнате для еды кончился хлеб. Кто-то разрезал последнюю горбушку вдоль и положил обе половины срезом вниз, чтобы не так бросалось в глаза.

Сухов вошёл с двумя пакетами и коробкой одноразовых ложек.

— Ложки завтра не выбрасывайте, — сказал мужчина у холодильника.

— Тогда это уже не ложки, а основные средства, — ответил Сухов. — Получать будете под подпись.

Он поставил пакеты на свободный край стола, достал хлеб, сметану и яблоки. Пожилому работнику у стены сам подал тарелку, отодвинув с прохода стул.

— Ты не стой. Сейчас принесут.

— Я и не собирался. Это ты всё время бегаешь.

— За мной никто не принесёт.

— Тебе теперь на награждении принесут.

Сухов усмехнулся, но отвечать не стал. Проверил, есть ли кипяток, и пошёл искать женщину, раздававшую еду. Инга видела, как он по дороге остановился возле молодого мужчины, спросил про автобус и показал что-то в телефоне. Тот сразу перестал хмуриться.

Софья устроилась напротив Инги. Суп был горячий, с крупно нарезанной картошкой; ложка гнулась у самой ручки. За соседним столом спорили о вчерашнем запрете.

— Мне сегодня сухую сортировку дали. Я не против, — сказал рабочий с заклеенным пальцем. — Хоть рукавицы к вечеру сухие.

— А у меня ничего, — ответил другой. — Вчера домой отправили. Сегодня позвали разговоры разговаривать. За разговор мне кто поставит?

— Мы вас не на смену вызвали, — сказала Софья. — Вы могли выбрать другое время.

— Я понимаю. Я про вчера.

Она придвинула к нему чистую салфетку и написала время, когда сможет разобрать его документы отдельно.

— Общего решения по оплате ещё нет. Ваш выход запишем, проверим, что предложили после остановки.

— Запишем, — повторил он без злости. — У меня жена тоже всё записывает. В магазине пока не принимают.

Инга ела молча. На это нечего было ответить так, чтобы ответ не обесценил сказанное.

У окна сидел старый работник в аккуратной куртке с зашитыми локтями. Он выслушал спор, отломил кусок хлеба и сказал:

— После большой воды не мой след за ушедшим.

Молодой мужчина поднял голову.

— Это ещё что за учёт?

— Так внизу говорили. Когда я пришёл, уже говорили.

— У нас проще: за кем не домыл, тот и дурак.

— Не про это, — возразил старый работник.

Инга отложила ложку.

— Когда так говорили? После какого случая?

Он пожал плечами.

— Да не одного. Вода уйдёт, сверху вроде сухо. Один прошёл, второй за ним: раз тот не провалился, значит, можно. А под настилом ещё стоит. Или в нишу полезли вдвоём, один вылез, другой за ним доделывает.

— Мне отец иначе говорил, — заметила женщина, ставившая на стол кастрюлю. — Чужую мокрую работу один не заканчивай. Ушёл человек — выясни почему. Может, ему плохо стало, а ты решил, что недоделал.

— А я слышал, чтобы полости не закрывали, пока внутри сыро, — сказал мужчина у холодильника. — У нас потом месяц воняло из-под обшивки.

— Вы сами видели оставшуюся воду под сухим настилом? — спросила Инга у старого работника.

— Видел. Не сейчас. Лет десять назад под лестницей. Сверху пыль, а приподняли — сапогом зачерпнёшь. Только туда без разрешения не ходите, там теперь всё иначе.

— Не пойдём.

Он кивнул и вернулся к супу. Поговорка на этом потеряла торжественность: женщина попросила передать соль, кто-то стал искать крышку от контейнера. Инга отметила для себя остаточную воду в закрытых местах и разные толкования запрета. Ни даты нынешнего контакта, ни источника подачи они из этого разговора не получили.

Сухов вернулся с пустым чайником.

— Кипятка сейчас добавят.

Он остановился возле рабочего, которого отправили домой.

— По вчерашнему я с мастером переговорю.

— Мне не переговорить. Мне в лист поставить.

— Сначала выясню, как записали.

Рабочий кивнул. Он не отказался от помощи Сухова, хотя только что сердился на её неопределённость.

Матвей Григорьевич сел рядом с Ингой, отрезал себе хлеб.

— Много пришло?

— Пока несколько человек. Будут ещё после сдачи смены.

— Я вам могу всех собрать. По одному долго.

— По одному некоторые говорят то, чего при остальных не скажут.

— Вы думаете, меня боятся?

Она посмотрела на чайник у его локтя. Ещё минуту назад он носил кипяток людям, которые знали его много лет.

— Я не знаю, кого кто боится. Человеку не обязательно объяснять нам, почему ему удобнее отдельно.

Сухов потянул к себе тарелку.

— Только чтобы потом не было: один рассказал, а проверить некому.

— Поэтому и нужны ваши записи. И записи других.

Он начал есть, не ответив.

* * *

После обеда в комнате обучения стало душно. Софья открыла верхнюю фрамугу; с улицы донеслось, как водитель автобуса несколько раз пытался закрыть дверь, прежде чем она наконец сошлась.

Сотрудница снабжения принесла журнал выдачи инвентаря. Сухов пришёл следом со своей тетрадью, но Софья попросила пока её не раскрывать.

— Сначала посмотрим, для чего велась эта запись.

Женщина нашла нужную страницу.

— Щётки, рукавицы, вёдра. Здесь дата выдачи со склада. Вот подпись получателя.

— Он всем этим работал?

— Откуда я знаю? Он на участок забрал. Потом раздавал.

Софья подложила под страницу лист, чтобы не захватить в копию соседний раздел. Инга заметила выдачу после последних дат в журнале первоначальной помощи. Это ещё не означало, что инвентарь использовали в тот же день, но вопрос о последующих работах уже не держался только на памяти людей.

— Возврат где отмечали? — спросила Софья.

— В другом журнале. Если возвращали. Рукавицы не возвращают.

— Его тоже запросим. Только нужный период.

Работник подрядчика прислал разрешённые фрагменты переписки. В одном было написано: «После обеда останьтесь, освободим проход». Получатель пояснил, что речь шла о дне после основной откачки, но дата на пересланном снимке не отображалась. Софья попросила исходное сообщение с видимым временем и отдельно сохранила пояснение, не делая из него календарной отметки.

Из проходной принесли сведения о нескольких разовых пропусках. Один из тех, кто находился в списке, по объяснению охраны приезжал только за насосом.

— Он через ворота прошёл, — сказал Сухов. — Значит, помогал.

— Привёз, забрал или работал с водой? — уточнила Инга.

— Забрал. В машину погрузили.

— Тогда вход на территорию подтверждён. Контакт с водой этим не установлен.

Сухов отодвинул пропуск.

— Вы так до лета будете выяснять.

— Не каждую минуту. Но эти различия нам нужны.

Он открыл свою тетрадь. Страницы были заполнены плотно, хозяйственным почерком: рядом с фамилиями стояли машины, короткие поручения, пометки о топливе.

— Давайте проще. Кто ко мне приходил, я знаю. Пусть мне звонят, я вам вечером всё передам. И дубли уберу. Сейчас один три раза напишет, а вы решите, что трое.

Инга почувствовала, как удобно было бы согласиться. Один человек сверял бы фамилии, помнил места, находил тех, чей номер давно сменился. В первые дни Сухов делал именно это, пока другие решали, где взять насос и куда убрать сухие ящики.

— Дубли нужно убирать, — сказала она. — Но не до того, как мы узнаем, кто и о чём сообщил.

— Я же не собираюсь ничего выбрасывать.

Софья развернула к нему свой лист.

— Сегодня человек сказал: «Меня направил начальник». В вашей тетради он добровольный помощник. Мы должны сохранить обе записи и проверить обстоятельства. Если все обращения сначала поступят вам, у него не будет другого способа это сказать.

— Он мог мне сказать.

— Мог. Не обязан.

Сотрудница снабжения закрыла журнал, но не встала. Некоторое время она смотрела на лежавший у Софьи телефон.

— Мне потом номер дадите? Я один контакт могу передать. Только сначала спрошу человека.

Сухов повернулся к ней.

— Кто там ещё?

— Я потом сама.

Она произнесла это тихо и сразу занялась завязками на обложке журнала.

Инга взяла пустую карточку, написала рабочий номер Софьи и часы связи.

— Передайте ему наш контакт. Если захочет, свяжется сам. Его номер без разрешения не нужен.

Женщина убрала карточку в нагрудный карман.

Сухов смотрел, как она завязывает тесёмки.

— Теперь у нас всё по секрету?

— Не всё, — сказала Софья. — Ваши сведения об организации работ мы запрашиваем у вас. Личные обращения люди могут передать без вас. Это разные вещи.

— А если человек просто пришёл посмотреть и теперь хочет, чтобы ему заплатили?

— Тогда выясним, что он делал. Одного обращения недостаточно, чтобы назначить выплату.

Инга подвинула к Сухову копию наградного списка.

— Этот документ остаётся. Но фамилия в нём не будет условием медицинской беседы.

— Я для грамот его делал, не для больницы.

— Значит, для больницы нужен другой круг поиска.

Он провёл рукой по лицу, посмотрел на часы.

— Ладно. Мне машину встречать. По фамилиям вопросы присылайте.

— Производственные, — сказала Софья. — Жалобы и результаты обследований вам для сверки не понадобятся.

Сухов собрал тетрадь. У двери задержался, вытащил из кармана связку ключей и положил один на стол.

— От шкафа. Там бумага и удлинитель. После шести здесь никого не будет, а вы, вижу, не закончите.

Инга поблагодарила. Он ушёл.

Ключ остался возле списка. Софья подцепила его пальцем и отодвинула, освобождая место для следующего листа.

* * *

К вечеру на двери появились два отдельных объявления. Одно вело в здравпункт и дальше — к медицинской помощи; второе давало время прямой связи с Софьей по вопросам участия и заданий. Для тех, кто уже ушёл с комбината или никогда не имел постоянного пропуска, предусмотрели телефонный разговор и встречу вне территории.

Фельдшер прочла медицинский текст вслух, проверяя, не получилось ли приглашение ждать назначенного часа при плохом самочувствии.

— Здесь надо выше. Про температуру и уменьшение мочи.

Инга переставила абзац. При выраженном ухудшении человек должен был обращаться за неотложной помощью, а не искать фамилию в списке и не ждать ответа центра.

— И «восстановительные работы» не все поймут, — сказала фельдшер. — Они скажут: я только вещи перенёс.

Добавили простые примеры: откачивали, переносили мокрые предметы, убирали, мыли. Они не означали, что каждый такой контакт привёл к заболеванию. Зато человек мог узнать собственное действие.

Алина прислала форму, которую использовали для согласования передачи сведений: пустые поля, назначение каждого раздела, кто связывается с человеком, кому и в каком объёме разрешена дальнейшая передача. Рудогорских фамилий и записей в файле не было.

Инга позвонила, когда увидела сообщение.

— У нас два вопроса к форме. Можно сейчас?

— Сейчас нет. У меня через пять минут приём. После него, в половине седьмого, смогу на двадцать минут.

— Хорошо. Вопросы пришлю заранее.

— И посмотрите последнюю страницу. Там замещение. У нас сначала все звонили на мой личный, даже когда я была на выезде.

— Посмотрим.

Инга положила телефон. Фельдшер стояла рядом, прижимая к груди папку.

— А у меня пока на личный и звонят. Рабочий здесь, я ухожу — он остаётся.

Они не стали обещать круглосуточный ответ здравпункта. Разделили часы его работы, срочное обращение в медицинскую службу и согласованный обратный звонок. На дни отсутствия фельдшера администрация медицинской организации подтвердила замену; контакт проверили с другого телефона. На звонок ответили, представились и уточнили, кому нужно перезвонить.

Общий журнал обращений не вывешивали. В производственной части оставались даты, задания, источники сведений; медицинская хранилась отдельно. Софья не получала копий карт для удобства будущих споров. Если человеку нужна была передача конкретного медицинского документа, это предстояло согласовать по его собственной задаче.

— А кто у нас теперь старший от людей? — спросила фельдшер.

— Сегодня никого не выбирали, — ответила Софья. — И мой номер не даёт мне права говорить за всех.

Она прочла последнее объявление, убрала фразу «обращения участников списка» и оставила просто «обращения об участии».

В половине седьмого Алина вышла на связь. На экране за ней виднелась закрытая дверь кабинета. Она попросила показать не собранные сведения, а только пустую местную форму.

— Здесь у вас «согласен на передачу». Кому?

Софья наклонилась к экрану.

— Уточним получателя и цель.

— И человеку оставляйте копию того, что он выбрал. Не только подпись у себя.

За двадцать минут они закончили. Когда разговор подошёл к концу, Инга не добавила ещё один вопрос о чужом текущем деле.

Павел позвонил позже, уже из офиса. Обслуживание приборов закончили; на следующий день он мог выехать. До приезда профильного инженера предстоял только согласованный предварительный обход доступных зон и работа с документацией. Прослеживать водные соединения самостоятельно он не собирался.

— Инженеру задание отправил, — сказал он. — Он запросил планы и сведения о временных изменениях. Срок полного обследования пока не даю.

Софья проверила письмо предприятия: первоначальный ограниченный этап согласовали, производственные сведения и расходы партнёров разделили. Семейного архива в задании не было.

— По старым обращениям? — спросила Инга.

— Координатор и замещающий на связи. Два завтрашних звонка переданы, люди предупреждены. Не звони им третьей.

— Не буду.

— Я это записал.

Софья улыбнулась, закрывая ноутбук. В комнате стало прохладно; Инга дотянулась до фрамуги и закрыла её.

Они уже складывали бумаги, когда на рабочий телефон Софьи пришло сообщение с неизвестного номера.

«Мне ваш контакт дали. Я в списке не нахожу себя. Когда качали, меня не было. Потом после смены минут сорок помог. Это тоже говорить или только кто воду откачивал?»

Софья показала экран Инге.

— Сегодня отвечать готов?

— Спроси.

Она написала, что короткое участие тоже можно описать, отсутствие в наградном списке не мешает обратиться. Предложила выбрать время. Ответ пришёл почти сразу: завтра после пяти, сейчас дома неудобно.

Софья зарегистрировала обращение, не вписывая пока ни работу с водой, ни право на оплату. Инга приготовила для завтрашнего разговора чистый лист.

На столе ещё лежал список Сухова. Они не стали дописывать в него фамилию человека, который пока её не назвал. Новый лист положили рядом.

Глава 4. Получено лично

Ирина не отдала пальто гардеробщице, пока не вынула из кармана очки.

— Они в футляре, — сказала Инга.

— Я знаю, где они.

Мать достала старый заводской футляр, проверила застёжку и только тогда сняла пальто. На лестнице она шла медленно, держась за перила. Инга поднялась на одну ступень выше и остановилась, будто читала объявление о приёме запросов. Ирина заметила, но ничего не сказала.

Муниципальный архив занимал второй этаж бывшего расчётного центра. Внизу ещё оставалась широкая стойка с окошками, где когда-то принимали платежи. Теперь за одним из них выдавали ключи от шкафчиков. В читальной комнате пахло бумагой и влажной шерстью; у окна сохла чья-то куртка, под ней стоял пластиковый поддон.

Сотрудница архива сверила паспорта с заявлением, нашла подтверждение записи на четвёртое мая.

— Ответ на ваш запрос подготовлен. Дело принесли. По копированию — вот здесь, пожалуйста.

Инга положила телефон в сумку. Рабочие звонки до полудня принимала Софья; при необходимости связаться с больницей у неё были свои контакты и согласованный порядок, а не обещание Инги всегда ответить первой.

На стол вынесли серую папку с потёртыми завязками. Сотрудница подложила под неё мягкие опоры, раскрыла обложку и показала лист использования.

— Писать на документах нельзя. Закладки я вам дам. Если нужен оборот — переворачивайте целиком, не тяните за угол.

Ирина села ближе к свету. Инга записала шифр фонда, опись, номер дела. В прежнем архивном ответе всё это было, но здесь реквизиты стояли на самой обложке. Под ними — название: «Регистрация передачи копий общественным инспекторам».

Карточка 42 оказалась не отдельной плотной карточкой, какой Инга представляла её зимой, а листом в составе подшивки, с типографской сеткой и узкими строками. В графе получателя было напечатано: «Мельников Николай Сергеевич». Место работы, общественная должность, дата выдачи. К карточке относились перечень копий и расписка.

Инга сначала посмотрела на дату.

До гибели отца оставалось три недели.

Она знала этот промежуток как время чужого ожидания: ремонт, который должны были закончить; ответ, который ещё не пришёл; отцовское «потом покажу». Теперь в нём появилась дата, не взятая из семейного рассказа.

— Здесь, — сказала Ирина.

Она не коснулась бумаги. Палец остановился над нижней строкой.

Подпись была короткой, с неровной второй половиной фамилии. Отец не любил подписывать длинные ведомости: начинал разборчиво, потом будто торопился догнать движение руки. Инга узнала наклон последнего штриха и почувствовала облегчение, почти неприличное при виде служебного листа. На мгновение ей захотелось просто сказать: вот, он всё делал правильно.

Она придвинула блокнот и записала номер расписки.

— Перечень относится именно к этой выдаче? — спросила она сотрудницу.

— Здесь ссылка на карточку. И здесь, на обороте. Посмотрите номера приложений.

На обороте расписки были перечислены номера и количество листов. В перечне они повторялись, с названиями. Инга проверила каждую строку. Не весь ранний комплект, который

они пытались восстановить, — четыре позиции. Копия сопроводительной записки по материалу О-7. Лист наблюдений за воздушными потоками. Фрагмент вентиляционной схемы с обозначенными обходами. Ответ межзаводской службы о сопоставлении сведений.

О-7. Не КР-12.

Инга провела карандашом по своей записи, не подчёркивая документ. Раннее письмо Лобанова предшествовало производственным испытаниям на четыре года. То, что случилось позже в Рудогорске, отец знать не мог. В перечне не было ни позднего обозначения смеси, ни результатов тех испытаний.

— Самих копий тут нет? — спросила Ирина.

— Здесь учёт выдачи, — ответила сотрудница. — Часть документов может быть в других делах этого фонда. Мы подобрали ссылки, но сверку по каждому исходному номеру ещё не закончили.

— Значит, названия есть, а прочитать пока нельзя?

— Получение перечисленных копий видно по этим листам. Содержание нужно искать отдельно.

Инга повернула блокнот так, чтобы мать могла прочитать её запись: «Выданы четыре позиции. Число листов по перечню и расписке совпадает».

— А это? — Ирина указала на строку назначения.

«Для сопоставления с местными наблюдениями».

Ни просьбы об оправдании, ни объяснения причин, ни обещания добиться ремонта. Отец пришёл в службу, получил бумаги и расписался. Он собирался с чем-то их сравнивать. Всё остальное Инга пока добавляла сама.

Сотрудница принесла второй лист — подготовленную архивную справку.

— Ваше позднее приложение помогло найти регистрационный ряд. Но оно в выдачу, разумеется, не входит.

— Да. П-6 составлено через семь лет после его смерти. Мы его используем только для поиска.

Ирина поправила очки. Возвращаться к поздней дате им больше не требовалось; зимой на неё ушёл целый вечер, а потом ещё разговоры о том, какую строку из семейного письма можно отправить. Сейчас согласованная выдержка лежала в основании запроса. Полная страница осталась дома.

На нижнем поле карточки был другой почерк, более мелкий. Служебная ссылка отсылала к отдельному аварийному делу и номеру листа учёта передачи материалов. Дата пометы была позже гибели Николая.

Инга прочла её дважды.

— Это дело здесь?

Сотрудница сверилась со своей выпиской.

— В предоставленной нам части фонда по такому шифру его нет. Это старое обозначение. Чтобы установить, что за дело и куда передано, нужен запрос по ссылке. Я не могу сейчас сказать, кто его держатель.

— Содержимое известно?

— По этой строке — нет.

Инга чувствовала, как мать ждёт следующего вопроса. Можно было спросить про запись связи, назвать Корнеева, перечислить всё, что они уже знали о страховщике. Но ни одно из этих слов на карточке не стояло.

— Сделайте, пожалуйста, копию с полями и оборотом. Чтобы ссылка была целиком.

Сотрудница записала заказ. Затем попросила проверить, все ли нужные страницы отмечены.

У расписки край был надорван возле отверстия от старого скоросшивателя. Инга невольно придержала лист, хотя он лежал спокойно. Она помнила руки отца лучше подписи: короткий мизинец, огрубевшую складку у большого пальца, след карандаша, который он стирал о рабочие штаны. Здесь от руки осталось несколько движений чернилами. Их было достаточно, чтобы подтвердить получение. Для разговора с ним — ничего.

Ирина закрыла свой блокнот.

— Копии сегодня отдадут?

— Эти — да. Справку подпишем после обеда. Можете получить завтра или в электронном виде.

Они выбрали электронный ответ. Инга оплатила копирование со своей карты. Квитанцию убрала вместе с семейным запросом, не в карман с заводским пропуском.

Пока сотрудница уносила дело, Ирина поднялась и расправила спину.

— Не торопись, — сказала Инга.

— Я не тороплюсь. Стул низкий.

Мать отошла от стола. Инга ещё раз посмотрела на оставшуюся перед ней выписку. Рядом с фамилией отца стояли дата, перечень и отметка о личном получении. Зимой они могли только спрашивать, какие листы дошли до него. Теперь четыре позиции имели документальное основание.

*

На улице мать остановилась у булочной.

— Хлеба возьмём. Дома вчерашний остался, но тебе на вечер не хватит.

— Я могу одна зайти.

— А я хочу посмотреть, что у них есть.

Внутри было тесно. Женщина перед ними выбирала между двумя одинаковыми батонами и спрашивала, какой мягче. Ирина дождалась, купила круглый хлеб и два пирожка с капустой. Один положила Инге в руку.

— До обеда далеко? — спросила Инга.

— Пока дойдём, разогреем. Это не обед.

Они ели на ходу, отламывая тесто над раскрытым бумажным пакетом. На перекрёстке ветер прижал пакет к Ингиной куртке, и мать засмеялась коротко, почти беззвучно.

Дома Ирина велела оставить уличную сумку в прихожей. Архивные копии Инга принесла на кухню отдельно.

— Давай ещё раз, — сказала мать. — Что теперь известно?

Инга положила расписку рядом с перечнем.

— Что он лично получил вот эти копии. До гибели. Номера и число листов связаны между собой. Осталось проверить выдачу по другим регистрационным документам и найти сами исходные материалы.

— Но получал он.

— Да.

Ирина смотрела на нижнюю строку дольше, чем в архиве. Потом спросила:

— Журналы там есть?

— В этой выдаче не названы. Записка, наблюдения, схема, ответ службы.

— Я про сменные.

— Их нет.

Мать кивнула и взяла кастрюлю с плиты.

Инга хотела спросить, почему именно сменные. Вопрос уже был готов, короткий, привычный. Вместо него она убрала бумаги подальше от мокрой подставки. За последние месяцы мать не раз уточняла названия документов точнее, чем сама Инга. Она десятилетиями рабо-

тала с табелями и знала, как легко общее слово скрывает совсем разные бумаги. Сейчас вопрос ещё не был свидетельством.

— Это не все документы, которые у него когда-либо были, — добавила Инга.

— Я поняла.

Мать поставила перед ней тарелку. Инга заметила, что Ирина сначала повернула кастрюлю удобной ручкой к себе и только потом подняла. Раньше делала это одним движением.

— Дай я.

— Уже поставила. Хлеб нарежь.

Инга нарезала хлеб, убрала нож. За окном кто-то пробовал завести садовый триммер; двигатель схватывал и тут же глох. Во дворе ещё стояла вода, косить было нечего.

— Ты сейчас скажешь, что это ничего не доказывает? — спросила Ирина.

— Нет. Это доказывает, что он получил перечисленные материалы.

— Вот и скажи так. Не убавляй сразу.

Инга отложила вилку.

— Он получил их. Сам. За три недели.

Ирина потянулась к хлебнице, но хлеб уже лежал на столе. Она поправила салфетку под ним.

Им обеим хотелось оставить этот результат на несколько минут без следующего возражения. Подпись под прежним пустым бланком никуда не исчезла. Но и человек, который после этого продолжал искать сведения, больше не существовал только в надежде дочери.

Павел прислал сообщение: приехал, заселился, предварительный обход согласован на половину третьего. Инга ответила, что будет у проходной. Он напомнил про обувь и написал: «Семейный архив сегодня не тащи. Вода и бумага уже встречались без нас».

Она улыбнулась.

— Павел? — спросила Ирина.

— Да.

— Он обедал?

— Сейчас спрошу.

— Не спрашивай, пусть приходит вечером. Если не занят.

Инга переслала приглашение без добавлений о том, что ему необходимо поесть. Потом собрала копии. Ирина придержала край перечня, пока дочь укладывала его в прозрачную обложку.

Квитанция за архив лежала сверху. Мать посмотрела на сумму.

— Половину я переведу.

— Мам…

— Запрос наш с тобой.

Инга не стала спорить.

*

Дарья Котова ждала у внутреннего поста с каской под мышкой. На ней была синяя рабочая куртка с потёртым воротом; возле молнии светлела узкая полоса, где ткань обычно закрывалась планкой. Она прочла фамилии в листе допуска, подняла глаза на Ингу.

— Вы врач. Вам низ зачем?

— Увидеть условия, о которых люди рассказывают. Только доступный маршрут.

— Людей, как они там работали, я вам не покажу. Сейчас всё иначе.

— Именно поэтому и пришли до переделок.

Котова надела каску.

Ответственный за сопровождение раскрыл план на стойке. Заштрихованная часть нижнего этажа оставалась закрытой. Для обхода выделили освещённый проход и площадку у наружных узлов; состояние маршрута и воздуха проверили, электрослужба обозначила изоли-

рованные участки. Проверки относились к сегодняшнему доступу, не ко всем помещениям внизу.

— За ограждение не идём, — сказал сопровождающий. — К люкам не подходим. Если понадобится другая точка, сначала согласование.

Павел расписался за ознакомление.

— Ничего включать ради нас не надо.

— И не дадут, — сказала Котова. — После запрета питание временных потребителей отключено. Что осталось, покажу с прохода.

На лестнице стало прохладнее. Вода уже не стояла на ступенях, но от стен шёл запах сырого бетона и размокшей пыли. Вдоль нижней части стены тянулась неровная граница ила. В одном месте её пересекал свежий прямоугольник — что-то недавно отодвинули или сняли. Инга не стала угадывать.

Котова шла первой, выбирая сухую середину прохода. Под потолком лежали трубы разного возраста: старые, с толстой краской, и новые серые участки, ещё без общей окраски. На одной трубе висела металлическая бирка, повёрнутая к стене. На другой обозначение было написано прямо по изоляции.

— Штатная техническая подача наверху идёт отсюда? — спросил Павел.

Котова показала на линию под потолком.

— По постоянной схеме — эта. Дальше разветвление за стеной. Здесь виден только участок.

— Я предварительно исходил из неё для вспомогательной мойки.

— Из схемы исходить можно. Только времянки в неё не внесены.

Она остановилась перед ограждением. За ним стояла цилиндрическая ёмкость с плоской верхней площадкой. На боку сохранилось белое «Р-2», ниже — несколько слоёв закрашенных надписей. У основания проходили трубы; часть уходила за стойку и терялась в полутени. На доступном снаружи узле стояла заглушка, к ней была прикреплена новая бирка.

— Резервная техническая ёмкость, — сказала Котова. — Паспорт и старую схему дам в копии. Внутрь сейчас доступа нет.

— Её состояние после паводка обследовали? — спросил Павел.

— В том объёме, который нужен вам, — нет. Был наружный обход. Не считайте его полной проверкой.

Инга смотрела не на ёмкость, а на проход перед ней. Между ограждением и стеной едва хватало места для двух человек. Если здесь несли ящики, один должен был отступать. На углу стены краска была стёрта до бетона примерно на высоте бедра.

— В первые дни этим проходом пользовались?

— Пользовались, — ответил сопровождающий. — Но кто и сколько раз, я не скажу. Я тогда на верхнем складе был.

На полу лежали два пустых крепления. От одного по стене шла дугообразная полоса, светлее окружающей грязи. Котова указала на неё.

— Здесь рукав был закреплён. Сняли до вашего запрета. В журнале нужно искать, какой именно и куда унесли.

— Вы видели снятие? — спросила Инга.

— Нет. Увидела уже без него. За время не распишусь.

Павел сделал общий снимок с обозначением места, затем отдельный — с масштабной линейкой, положенной на сухой доступный участок. Саму полосу не трогал.

— Это не след потока, — сказал он Инге. — Только место, где что-то закрывало поверхность.

Она кивнула. По такой полосе было легко мысленно дорисовать шланг до мойки, особенно после двух дней разговоров о воде. Между полосой и мойкой оставались стена, развилка, несколько неизвестных соединений и чужие решения.

Дальше, у стойки, находился переносной насос. Кабель был уложен отдельно, вилка убрана в закрытый ящик. На корпусе сохранился инвентарный номер, а на бирке — запись об отключении.

— Этот работал на откачке? — спросил Павел.

— В первые дни насосов было несколько. По этому есть журнал выдачи и возврата. Я вам номер сверю, но всё назначение по памяти не восстановлю.

— Временное питание его?

Котова показала коробку на стойке.

— Здесь подключали временные потребители. Отключение оформляла электрослужба. Какие именно были в каждый день — у них запись и у тех, кто выдавал насосы.

Павел посмотрел на бирку штатной линии, потом на бумажную схему.

— Здесь обозначено Т-2. На трубе — Т-1.

— Маркировка старая. После ремонта часть оставили.

— А исполнительная схема после ремонта?

— Запросим у технического отдела.

Он не стал исправлять план ручкой. Записал оба обозначения и место расхождения.

В небольшом шкафу у лестницы хранилась копия эксплуатационного листа. Котова достала её, не раскрывая соседние папки. В строке за конец апреля стояло: «ПН. Нижн. — хоз. нужды». Рядом — время и короткая подпись.

— «ПН» — переносной насос? — спросил Павел.

— Обычно так сокращают. Здесь ещё надо проверить, что имел в виду записавший.

— Подпись чья?

— Похожа на дежурного. Угадывать не будем, в сменном составе посмотрите.

Инга прочла «хоз. нужды». Формулировка вмещала всё: от откачки приямка до воды для мытья тележек. Человек, который её писал, мог считать назначение очевидным для следующей смены. Через неделю оно уже требовало отдельного разговора.

Котова вернула лист в обложку.

— Копию сделаю наверху. Здесь бумаги не раскладывайте.

У края разрешённого маршрута сопровождающий остановился. За ограждением уходил боковой проход. На стене там виднелась старая стрелка, но надпись нельзя было разобрать.

— Дальше сегодня не согласовано, — сказал он.

Никто не предложил посмотреть одним глазом. Павел убрал фотоаппарат и проверил, не зацепился ли ремень за рукав куртки. На обратном пути они шли в том же порядке. Инга чувствовала сырой холод сквозь подошвы; наверху, у открытой двери, тёплый воздух показался почти густым.

*

В комнате технической службы Котова развернула план на чистой стороне стола. Сопровождающий поставил рядом кружку, увидел взгляд Павла и переставил её на подоконник.

— Вот здесь мы стояли, — сказал он. — А рядом уже третий «Б». У нас потому и говорят: оттуда всё пошло. Что там за годы накопилось, никто не знает.

Он провёл пальцем от прохода у Р-2 к широкому прямоугольнику газоочистного коллектора.

Инга услышала обозначение раньше, чем посмотрела на него. Три-Б было напечатано обычным чертёжным шрифтом, без той тяжести, которую получало в семейных разговорах. На бумаге между ним и сегодняшним маршрутом оставалось небольшое расстояние.

— Откуда именно «пошло»? — спросил Павел.

— Вода. Или что с ней было. Всё же рядом.

— Рядом по плану. Общего водного соединения мы не видели.

— Под полом может быть.

— Может быть неизвестная нам коммуникация. Это вопрос для проверки, не готовая связь.

Котова отодвинула план ближе к нему.

— На этом листе водное хозяйство показано неполно. Для проходов годится, для соединений — нет.

Инга заставила себя не искать на плане путь отцовского последнего входа. Она не знала, что из этих стен существовало тогда, где меняли проёмы, что обозначили после ремонтов. Сегодня они прошли по разрешённой части нижнего этажа. Двадцать четыре года между тем планом и нынешним полом нельзя было убрать одним движением пальца.

— Нужна дата последнего изменения этого листа, — сказала она.

Котова повернула край.

— Здесь штамп есть. Но все ли переделки внесены, не обещаю.

Павел записал шифр.

— Для нынешнего обследования запросим исполнительные схемы, временные изменения, журнал насоса и документы по питанию. Инженеру передам фотографии. До его программы ничего пробным пуском не проверяем.

— Самое быстрое — пустить и посмотреть, — сказал сопровождающий, но без предложения идти обратно.

— И получить новый контакт, смыть остатки, а потом спорить, что видели до нас? Нет.

— Я понял.

Котова принесла копию эксплуатационной записи. Павел сверил её с фотографией листа.

— «Хозяйственные нужды» оставляем как написано. В «подачу на мойку» не переводим.

— Правильно, — сказала она. — Пока только эта строка.

По телефону подключился профильный инженер. Павел описал доступный маршрут, остановленную подачу и расхождение обозначений. Инженер попросил не снимать заглушки и не разбирать соединения до согласования порядка осмотра. Ему нужны были не только планы, но и сведения о том, что изменили при остановке второго мая.

Котова записала названия документов на обороте своего рабочего листа.

— Часть у меня, часть у электриков. За весь комплект к утру не обещаю. Своё отправлю сегодня.

Они договорились, кто соберёт недостающее и кому передаст. Павел не называл это выполненным инженерным обследованием. В записи обхода остались видимые участки, номера оборудования, фотографии, недоступные зоны и вопросы.

У проходной Инга получила сообщение Софьи: заявитель, обещавший связаться после пяти, подтвердил время. Сначала разговор о задании; если согласится на медицинскую часть, фельдшер предложит отдельное окно.

«Ты не нужна на первой беседе», — написала Софья.

Инга ответила: «Хорошо».

Павел посмотрел на телефон в её руке.

— Всё?

— По этому — да.

— Я инженеру ещё комплект передам. Потом к твоей маме. Она велела прийти или пригласила?

— Пригласила.

— Тогда я успею.

Вечером Ирина поставила для него третью тарелку, а Инга устроилась с ноутбуком у края кухонного стола. Пока ужин разогревался, она закончила короткое продолжение семейного запроса. Переписала ссылку из карточки 42 целиком: старый шифр аварийного дела, номер листа, дату служебной пометы. Просила установить название, состав по описи и дальнейшую передачу. Ни исходную запись, ни её предполагаемое содержание в запрос не добавляла.

Ирина прочла с экрана.

— Здесь опять «материалы». Они ответят тем же словом.

Инга вернулась к строке и уточнила: «Перечень документов, учтённых под указанным шифром».

— Так лучше?

— Лучше.

Мать отошла к плите. Инга сохранила согласованный текст, затем открыла запись сегодняшнего обхода. В ней была гипотеза Павла о штатной технической подаче, а ниже — причины, по которым её нельзя было принять без проверки. Она не убрала гипотезу ради аккуратного вида: от неё начинали, и инженер должен был знать это.

В одной папке лежала расписка отца. В другой — план нижнего этажа и снимок светлой дуги на грязной стене. Инга вложила архивную квитанцию к расписке, а заводской пропуск оставила рядом с рабочим блокнотом.

Пришёл Павел, вымыл руки и остановился у стола.

— Это семейное? — спросил он, увидев копии.

— Да. Получение подтвердилось.

Он посмотрел на неё, не на подпись.

— Хорошо.

Инга кивнула. Ей не пришлось сразу объяснять, сколько ещё не подтверждено.

Ирина принесла хлебницу. Инга закрыла обе папки и убрала их на разные полки в комнате. Вернувшись, увидела, что мать уже села, а Павел разливает чай и спрашивает, куда деть слишком горячий чайник.

— На подставку, — сказала Ирина. — Она не для красоты.

Инга села на своё место. Через открытую дверь была видна серая семейная папка; из-под её обложки выступал край выданной сегодня копии. Она поднялась только затем, чтобы убрать край внутрь, и вернулась к столу.

Глава 5. Не одна лихорадка

В больничной рабочей комнате не хватало розеток. Зарядку телефона вытащили, чтобы включить принтер, и теперь аппарат лежал на столе с тёмным экраном. Шелестова забрала вышедший лист, сверила данные и положила его в отдельную папку.

— Грипп, — сказала она. — Подтверждён.

Инга сняла куртку. За окном дворник сдвигал к бордюру размокшие листья; под лопатой открывался светлый асфальт.

— Тот, который говорил про общее отравление?

— Да. И сейчас хочет всем сообщить. Чтобы не думали, будто его заставили молчать.

Раиса Борисовна показала на стул, но сама не села. В кармане халата у неё торчали две ручки и сложенная записка.

— Он ждёт звонка. Согласен, чтобы вы участвовали в разговоре о рабочих контактах. Медицинские сведения в этом объёме тоже разрешил. Сначала я с ним закончу.

Она позвонила со своего телефона, уточнила, может ли он говорить, и включила громкую связь. Мужчина кашлянул прежде, чем ответить. Вчера он довольно подробно описывал Инге паводковые работы и требовал проверить «всю старую химию под цехом». Теперь голос звучал глухо, без прежнего напора.

— Я уже в нашу группу написал, — сказал он. — Что нашли грипп. А то там с утра опять: нас всех чем-то траванули.

— О своём результате вы можете рассказать, — ответила Шелестова. — Только у остальных ещё свои обследования.

— Я же не про остальных. Про себя. Мне теперь что, забирать слова?

— Какие именно?

— Что после завода заболел.

Шелестова придвинула стул и села.

— Вы после тех работ заболели. Даты от этого не меняются. Но причина вашей лихорадки сейчас уточнена. Лечение продолжаете по назначению. Как дышите сегодня?

Она спросила о дыхании, температуре, питье, боли в груди. Мужчина отвечал, иногда обращаясь к кому-то в комнате: просил посмотреть на упаковку, найти термометр. Инга не вмешивалась. Она слышала, как в разговор возвращался привычный порядок: не спор о предприятии, а то, что человек сможет сделать до следующего осмотра и при каких изменениях ему нельзя ждать звонка.

Когда Шелестова закончила, Инга спросила:

— Ваш рассказ о работе оставляем для проверки?

— Оставляйте. Я там был. Сапоги мокрые были не от гриппа.

— Да. Результат исследования этого не отменяет.

— Только карту в заводскую группу не отправляйте. Я сам написал, что хотел.

— Не отправим.

После звонка Шелестова выключила громкую связь. В комнате стало слышно принтер: он пытался протянуть второй лист и никак не захватывал бумагу. Инга поправила стопку, придерживая её за края.

— Он вчера хотел, чтобы мы написали «отравление», — сказала она.

— Сегодня хочет, чтобы его не считали вруном.

Раиса Борисовна открыла назначения. В каждой папке была своя последовательность: начало болезни, осмотр, исследования, изменения лечения. Они не выглядели как части одного готового дела.

— У него сейчас нет той картины почечного повреждения, которую мы видим у Левшина. Есть другие симптомы и результат, который с ними согласуется. Поэтому и решения другие. Ему не требуется то наблюдение, которое нужно Антону.

— По остальным?

— Продолжаем разбираться. У кого-то больше дыхательные жалобы, у кого-то боль в пояснице, есть изменения в анализах. Одним названием это не закрыть.

Она вытащила из стопки лист Инги с производственными маршрутами. Возле нескольких строк стояли вопросы, возле двух — время предполагаемого контакта.

— Этот у вас общий?

— Только рабочие обстоятельства. Клинические материалы раздельно.

— Так и оставьте. Мне полезно знать, где человек намок и когда. Но лечение я не могу назначить по соседней строке.

Инга кивнула. Ей самой хотелось, чтобы первые ответы начали складываться в ясную группу. Грипп мешал не работе, а этому желанию. Нужно было признать разницу прежде, чем она просочится в формулировку.

Она открыла свой защищённый рабочий раздел и обновила запись по согласованному медицинскому обращению. В производственной таблице не появилось ни названия болезни, ни отметки «исключён»: участие мужчины в работах ещё предстояло проверить наравне с другими.

— Хабиров получит необходимое по вашему порядку? — спросила она.

— Да. Связь уже есть.

— Тогда я ему второй раз то же самое пересказывать не буду.

Шелестова взглянула на неё с коротким одобрением, но сразу вернулась к листу назначений.

— По Антону пока без специфического ответа. Мы сегодня повторяем контроль раньше. Он слабее, мочи по-прежнему мало.

— Поговорить с ним можно?

— Сейчас не надо. Если понадобится уточнение, я скажу. Даты, которые вы собрали, у нас есть.

Инга убрала блокнот. Через приоткрытую дверь прошла медсестра с чистым бельём; верхняя простыня зацепилась за ручку. Инга поднялась, освободила край и придержала дверь.

На выходе она увидела сообщение Софьи: Воронцова просила подойти к одиннадцати. Ниже стояла пересланная фраза директора: «Появились сведения, позволяющие уточнить объём проверки».

*

В приёмной лежали пробные оттиски благодарственных грамот. Секретарь перебирала их, откладывая листы с бледной печатью. На одном Инга успела прочесть начало фамилии Сухова, прежде чем сверху легла чистая бумага.

Воронцова встретила их стоя. На её столе рядом с планом отгрузок был открыт телефон.

— Вы видели? — спросила она, повернув экран.

В рабочей группе мужчина написал, что у него подтверждён грипп, что лечится и прежних слов о своём участии не забирает. Под сообщением уже шёл спор. Кто-то поздравлял его с тем, что «обошлось». Другой спрашивал, почему тогда заболели остальные.

— Видели сообщение, — сказала Инга.

— Значит, речь может идти об обычных сезонных заболеваниях. Мы остановили мойку, это решение сохраняется. Но обследование людей можно вернуть в обычный медицинский порядок. Без расширения заводской части.

Елена Даниловна говорила негромко. На столе перед ней лежала схема выпуска с зачёркнутыми строками; одну дату перенесли на полях дважды.

— Люди слышат слово «проверка» и уже считают, что производство отравляет город. Внизу у нас работы нет, наверху спрашивают, можно ли заходить в раздевалку. До понедельника надо дать понятный ответ.

— Про раздевалку нужен ответ по её условиям, — сказала Инга. — Результат одного пациента его не даёт.

— Вы подтверждаете, что у него грипп?

— Свой результат он сообщил сам. Я не буду на совещании дополнять его медицинскую историю. Но даже если исходить только из опубликованного им сообщения, вывода обо всех остальных не получается.

Воронцова убрала телефон.

— А вывод «все заболели на комбинате» получается?

— Нет. Мы его не делали.

— В городе сделали за вас.

— Тогда нужно исправить именно это. Не заменить одним общим объяснением другое.

Софья раскрыла папку. В ней не было больничных листов.

— У нас сегодня вопросы о заданиях и сохранении документов. Они остаются, какой бы диагноз ни установили каждому.

— Мы список передали.

— Первых дней. Вчера человек описал выход после основной откачки. Его обстоятельства ещё уточняются. Поэтому запрос шире списка.

— Матвей Григорьевич лучше всех помнит, кто приходил.

— Его сведения нужны. Единственными они не будут.

Воронцова посмотрела на часы и вызвала сотрудницу производственного отдела. Та принесла подборку суточных докладов, положила перед директором, но Софья попросила показать листы целиком, с приложениями.

— Вы хотели сведения о завершении паводковых работ, — сказала сотрудница. — Здесь двадцать четвёртое число. Дальше уже текущая уборка.

Инга подвинулась, освобождая место. На первом листе стояли откачка, освобождённые проходы и перечень перенесённого имущества. Ниже — завершение основного аварийного этапа. На следующем, датированном двумя днями позже, сохранялась строка «восстановительная уборка», а в приложении были тележки, возвращённые после мойки.

— Это принимали в работу? — спросила Софья.

— Те, которые здесь отмечены, да. До запрета второго мая. После запрета оставили отдельно.

— Кто подтвердил приёмку?

Сотрудница показала графу с отметками участка. Подписи относились к конкретным тележкам, не к качеству воды. Инга перечитала короткий доклад: «Очистка проходов продолжается, обеспечено возвращение оборотного инвентаря». На обороте стояла резолюция Воронцовой с просьбой сообщить остаток к утру.

— Вы знали, что уборка продолжается после двадцать четвёртого? — спросила Инга.

— Конечно. У нас вода ушла, а грязь осталась. Вы сами видели.

— Каким способом убирают, вам докладывали?

— В общем виде. Где отмыли, что можно вернуть, что ещё мешает. Каждый шланг мне не показывают.

Инга отметила ответ. Воронцова заметила движение ручки.

— Не нужно из этого делать, будто я распорядилась подавать неизвестно что.

— Такого вывода здесь нет, — сказала Инга. — Здесь ваш доклад о продолжении работ и принятый предприятием результат.

Директор откинулась на спинку кресла. За стеной коротко зазвонил телефон секретаря.

— Мы принимали помощь. Не запрещать же людям вымыть то, с чем им потом работать.

Софья положила рядом запрос.

— В части случаев люди выполняли задания своих руководителей. В других основания иные. «Принимали помощь» пока не отвечает на вопрос, кто назначал работу после откачки.

— Вы сейчас хотите, чтобы я всех задним числом оформила?

— Нет. Сохранить то, что было. Исходные доклады, сообщения о выходах, сменные задания, выдачу инвентаря, приёмку. Если появились уточнения — отдельно, с сегодняшней датой.

Сотрудница производственного отдела взяла карандаш, но не начала писать.

— У нас чат выгружают раз в месяц. Только там личные сообщения тоже бывают.

— Весь чужой телефон не нужен, — сказала Софья. — Согласуем относящийся к работам объём и способ сохранения. До этого ничего не удалять из-за того, что этап сочли закрытым.

Воронцова снова посмотрела на листы. Инга видела, что директору было легче обсуждать остановленную мойку, чем принятые до остановки тележки. Запрет уже существовал, им можно было распорядиться. Сделанное оставалось в документах и не подчинялось сегодняшней аккуратности.

— Список Сухова тоже сохраняйте, — сказала Софья.

— Вы же сами говорите, что он неполный.

— Для нашей задачи. Для награждения он составлялся с другим охватом. Мы не просим его переписать.

После паузы Воронцова подтянула запрос к себе, внесла исполнителей и срок передачи первой части. Возле строки об участниках убрала привязку к наградному списку.

— Объявление без слов об общей инфекции, — сказала она. — Только куда обращаться и по каким обстоятельствам.

— И без требования доказать участие прежде, чем человека примут, — добавила Инга.

— Хорошо.

В коридоре Софья остановилась у подоконника, чтобы убрать копии. Инга проверила сообщение от Павла: инженер получил фотографии, но просил дополнить сведения об отключении временной подачи второго мая. Утреннее согласование задания он пока оставлял за собой.

— Воронцова услышала про грипп и решила, что можно уменьшить всё остальное, — сказала Инга.

— А мы забрали документы, которые от гриппа не меняются.

Софья закрыла папку.

— Не буду сейчас звонить всем, кто есть в докладах. Сначала разберу, кто там уже учтён. Иначе человек три раза расскажет одно и то же, а мы получим три разных времени.

Инга хотела ответить, но телефон завибрировал в руке. Звонила Шелестова.

*

Раиса Борисовна ждала у двери отделения. Она не предложила пройти к Антону.

— Почечное повреждение нарастает. Повторные показатели хуже, мочи мало. Переводим в реанимацию для более тесного наблюдения и лечения. Нефролог подключён.

Инга остановилась рядом с ней, не снимая куртки.

— Что сейчас нужно от меня?

— В производственном анамнезе пока ничего срочного. Нужны уточнения по тому, что он принимал дома. Сестра принесла упаковку, но осталось неясно, сколько таблеток было до первого мая. Она внизу. Антон просил связаться с ней по вещам. Согласие на эту часть у нас есть.

— По заместительной терапии?

— Решение принимаем с реаниматологами и нефрологом. Смотрим не только креатинин: электролиты, кислотно-основное состояние, жидкость, дыхание, динамику. Возможность подготовлена. Если будут показания, не станем ждать названия инфекции.

Шелестову позвали. Она ушла, уже читая новую распечатку. Инга спустилась на первый этаж.

Сестра Антона стояла возле гардероба с пакетом из магазина обуви. На дне лежали тапочки, зарядный провод и пластиковый футляр. Женщина была в тонкой куртке, с красным следом на запястье от ручки пакета.

— Он утром сам писал, — сказала она вместо приветствия. — Коротко, но сам. А сейчас не отвечает.

— Его переводят туда, где смогут постоянно следить за состоянием. Отвечать сейчас может быть трудно. Врач поговорит с вами.

— Вы не знаете, насколько всё плохо?

Инга почувствовала знакомую необходимость сказать что-нибудь, за что человек мог бы удержаться. Но сестра смотрела прямо, не давая укрыться в общих словах.

— Состояние серьёзное. Почки работают хуже. Я не лечащий врач и не буду пересказывать вам решения вместо команды. Раиса Борисовна попросила уточнить лекарства. Сможете?

Женщина кивнула и достала из кармана упаковку. Коробочка была смята по одному краю. Инга записала название и дозировку, спросила, кто покупал, где она лежала прежде.

— У него в кухонном ящике. Я нашла, когда за вещами приехала. Сколько там раньше было, не знаю. Это не новая.

— Вы видели, как он принимал?

— Первого вечером одну. Сказал, ноги ломит. Ночью я уже ушла на смену.

— До первого мая он жаловался на температуру?

— Мне нет. Мы тридцатого по телефону говорили. Он спрашивал, заберу ли я посылку. Обычный был. Но я рядом не жила, могла не знать.

Инга отделила увиденное от предположений. Коробка не позволяла восстановить число таблеток по пустым ячейкам: из неё могли брать раньше. Она записала только подтверждённое сестрой и приготовила сообщение лечащей команде.

— А на завод он когда в последний раз ходил? — спросила женщина. — Меня теперь все про это спрашивают.

— Какие дни вы знаете лично?

— Не знаю я его смены. Не смотрела.

— Тогда не будем угадывать.

Сестра опустила пакет на скамью.

— Там говорят, он в старый коллектор лазил. Это правда?

— В его первом рассказе были работы с насосами и перенос вещей. Установленного полного маршрута у нас ещё нет.

— Он электрик. Его везде зовут, если что не включается.

Она сказала это с сердитой гордостью, которая сразу исчезла. Потёрла переносицу и посмотрела на пакет.

— Тут всё надо? Бритву просил. Может, уже не надо.

Инга предложила проверить у постовой медсестры, что сейчас можно передать. Из пакета достали лишнее, зарядный провод подписали. Сестра хотела оставить продукты; их вернули ей, объяснив, что питание и питьё сейчас определяет отделение. Она прижала к себе небольшой свёрток, словно отказ принять еду означал что-то большее.

Инга постояла рядом, пока женщина звонила на работу и просила заменить её вечером. Разговор оказался коротким.

— Нет, не на всю неделю. Сегодня. Дальше скажу.

Она положила телефон в карман.

— Они хотят знать заранее. А я откуда знаю?

— Сегодня вы сказали всё, что могли.

В отделении Инга передала уточнение о лекарствах и согласованный пакет. Каталку с Антоном вывозили из палаты, когда она отошла к стене, освобождая проход. Он лежал с закрытыми глазами, но открыл их на её голос.

— Сестра здесь? — спросил он.

— Внизу. Вещи передала. Врач с ней поговорит.

Он слабо пошевелил пальцами свободной руки.

— Телефон?

— Здесь, с вами. Провод тоже подписали.

Антон посмотрел на сумку, закреплённую у края каталки. Инга не знала, что он увидел в её лице, но он спросил:

— Это теперь надолго?

Во второй раз за несколько дней тот же вопрос звучал иначе. Он уже не просил срок, к которому можно предупредить смену.

— Пока не можем сказать, — ответила Инга. — Сейчас вам нужна более интенсивная помощь. Её уже организовали.

Он отвернулся, не кивнув. Медсестра поправила одеяло у плеча, и каталку повезли дальше. Инга не пошла следом.

В рабочей комнате она дождалась Шелестовой только затем, чтобы подтвердить передачу уточнений. Реаниматолог уже принял Антона; профильная консультация состоялась, дальнейший контроль был назначен. Никто не спрашивал, установлена ли его производственная связь и значится ли он в списке помощи.

Выйдя из больницы, Инга раскрыла на телефоне переписку с Воронцовой. В поле сообщения написала: «Состояние Левшина ухудшилось».

Палец задержался над клавиатурой. Директор должна была обеспечивать сохранение документов и запрет мойки не потому, что Инга предъявит ей тяжёлого пациента. Эта новость не сообщала ни источник воды, ни место заражения. А разрешения использовать состояние Антона для давления у неё не было.

Инга удалила строку. Вместо неё открыла рабочий ответ предприятия: исполнители сохранения документов назначены, получение запроса подтверждено. Проверила только срок первой передачи и закрыла телефон.

Возле больницы стоял автобус. Двери уже закрывались. Она могла бы успеть, если побежать, но осталась ждать следующего.

*

Ирина встретила её вопросом:

— Ты ела?

— Ела.

— Когда?

Инга сняла обувь и поставила её к стене. В кармане куртки нашлась нераспечатанная пачка сухого печенья, купленная утром у больницы.

— Мам, не начинай.

— Я ещё не начинала. Суп разогреть?

— Да.

На кухне было тепло. На подоконнике в стакане стояли ветки с мелкими липкими листьями; рядом сохла тряпка, которой мать протирала рамы. Инга села и положила ладони на стол. Под часами отца осталась влажная полоска кожи. Она расстегнула ремешок, сняла часы и впервые за день заметила, как сильно стянуло запястье.

Ирина достала кастрюлю с нижней полки холодильника. На половине движения остановилась, упираясь рукой в дверцу.

— Дай сюда, — сказала Инга.

— Я донесу.

— Вижу. Дай.

Она поднялась, забрала кастрюлю и поставила на плиту. Мать выпрямилась не сразу.

— Колено?

— Колено. Не новая болезнь.

Инга хотела спросить про лекарства и тут же вспомнила, с каким раздражением только что ответила на вопрос о еде. Открыла шкаф, достала тарелки.

— Тогда не ставь тяжёлое вниз. Здесь место есть.

— Здесь банки.

Они молча переставили банки на нижнюю полку, оставив для кастрюли место повыше. Одна крышка не закрывалась; Ирина прижала её ладонью, Инга повернула. Только после этого обе сели.

Мать положила ей хлеб.

— Очень плохой день?

— Тяжёлый.

— Рассказывать не надо, если нельзя.

— Я и не хотела.

Суп ещё не нагрелся. Ирина взяла ложку, попробовала из отдельной чашки, вернула кастрюлю на огонь.

— Ты сейчас всё равно никому не поможешь тем, что будешь сидеть до трёх.

— Откуда ты знаешь, что я собиралась до трёх?

— Лампу вчера так и оставила на столе. Обычно ты её убираешь.

Инга посмотрела на маленькую лампу возле хлебницы. Под ней лежал конверт с архивной копией расписки. Сегодня утром она собиралась после больницы проверить текст продолжения запроса. Теперь даже наклониться к конверту казалось лишним движением.

— У меня утром нет приёма, — сказала она.

— Тогда поспишь.

— Это просьба или расписание?

Ирина сняла кастрюлю с огня.

— Просьба. Расписание ты и без меня составишь.

Инга усмехнулась, подставила тарелку. Мать налила ей суп и села напротив со своей чашкой. Они поели не в тишине: Ирина рассказала, что у соседки перестала закрываться балконная дверь, что мастер обещал прийти после праздников, а до того её придётся не открывать. Инга слушала, не предлагая найти другого мастера.

Позвонил Павел. Она ответила из кухни.

— Утреннее согласование инженерного задания беру я, — сказал он. — По документам Котовой часть пришла, остальное запросили. Тебе к девяти приходить не нужно. Если появится вопрос по медицинской части, сформулируем отдельно.

— Хорошо. По доступу?

— Обсуждаем с инженером. Сам на месте ничего добавлять не буду.

— Я не про…

— Знаю. Но отвечаю сразу, чтобы ты не спрашивала второй раз.

Она услышала, как он передвинул стул.

— Ты где?

— У матери. Ем.

— Это ответственный этап. Не отвлекаю.

После разговора пришло сообщение Софьи: утренние обращения и проверку первого пакета докладов она принимает сама; медицинские вопросы направит по действующему местному порядку. Инга ответила коротко и не открыла расписание, чтобы ещё раз убедиться, что в нём стоят правильные часы.

От Шелестовой поступило согласованное обновление. Ранний образец Антона, взятый второго мая до начала антибиотика, был принят профильной лабораторией в работу; специфического результата ещё не было. Перевод в реанимацию завершён, необходимая профильная помощь организована.

Инга прочла сообщение дважды. Второй раз ничего не прибавилось. Она поблагодарила и убрала телефон.

— Будильник нужен? — спросила Ирина.

— Поставлю сама.

— На стол не клади. Там край качается.

Инга проверила стол ладонью, подложила под короткую ножку сложенный кусочек картона. Мать принесла чистое полотенце.

— В ванной повесь. То ещё сырое.

В комнате Инга поставила телефон на тумбочку. Экстренную связь оставила доступной, рабочие уведомления выключила. Конверт с распиской перенесла с кухни на полку, не вынимая листа.

Когда она легла, из кухни ещё доносился стук посуды. Потом мать закрыла кран. Инга знала, что в больнице сейчас снова измеряют, записывают, сравнивают; ранний образец оставался в работе, и ни один её звонок не мог сделать ответ готовым.

Она перевернула подушку прохладной стороной вверх и погасила свет.

Глава 6. Кровь до ответа

Шелестова придержала лист локтем, пока закрывала окно. Дождь бил в отлив так громко, что Инга не сразу расслышала:

— По раннему образцу есть ответ.

В рабочей комнате пахло мокрым асфальтом и остывшим кофе. На спинке стула висел халат с вывернутым рукавом. Раиса Борисовна села, придвинула к себе журнал отправки и только после этого повернула лист к Инге.

В строке результата было указано: ДНК патогенных лептоспир обнаружена.

Инга прочла название исследования, затем фамилию и дату рождения. Шелестова уже сверяла лабораторный номер с больничной записью. Второе мая, кровь, время взятия. Отметка о первой дозе антибиотика стояла позже.

— Это тот образец, который вчера приняли в работу? — спросила Инга.

— Да. Пересылку проверили. Здесь всё сходится.

Она поставила рядом оба документа. Инга почувствовала, как отпустило мышцы под лопатками. Несколько дней они принимали необходимые решения, не имея этого ответа; теперь хотя бы одна из неопределённостей закончилась.

— Лептоспироз, — сказала она.

— У Антона — подтверждён. С клинической картиной согласуется.

Шелестова не убрала журнал.

— А место заражения этим листом не определяется.

— Понимаю.

— Знаю. Но через час кто-нибудь спросит, в каком именно подвале нашли инфекцию. Лучше, чтобы мы одинаково отвечали с самого начала.

Инга ещё раз посмотрела на строку. На листе не было ни подвала, ни комбината, ни воды. Только человек, материал исследования и результат.

— Как он утром?

Раиса Борисовна провела пальцем по краю стола, отодвигая хлебную крошку.

— В сознании. Тяжёлый. Небольшой разговор сейчас возможен, полноценный опрос — нет. По почкам следим, с нефрологом решения пересматриваем по состоянию. Название инфекции не отменяет ни сегодняшних измерений, ни помощи, которую уже начали.

— Ему сказали?

— Скажу сейчас. Вы можете зайти со мной ненадолго. Только без уточнения смен.

Инга достала из сумки пакет с зарядным проводом. Сестра Антона передала его утром у входа: прежний не доставал от розетки, а сам Антон просил не покупать новый телефон, «этот ещё нормальный». Провод успели согласовать с отделением. На маленькой бумажке сестра написала фамилию, чтобы вещь не потерялась.

Пока Шелестова звонила Хабирову, Инга отошла от стола. Слышала только её часть разговора: принадлежность образца, подтверждённый результат, уточнение уже направленного извещения. Ни торжества, ни нового начала не было. Работа, начатая при подозрении, продолжалась с другим основанием.

В реанимации ей показали, где обработать руки и что надеть. У двери она отдала пакет медсестре. Здесь не было привычного больничного запаха еды: только сухой воздух, средства для обработки и слабое тепло работающей аппаратуры.

Антон лежал с закрытыми глазами, но повернул голову на голос Шелестовой.

— Мы получили результат исследования крови, — сказала она, став так, чтобы ему не приходилось приподниматься. — Подтвердилась инфекция, которую мы предполагали. Лептоспироз. Лечение против неё уже идёт.

Он помолчал.

— Это от воды?

— Такая инфекция может передаваться при контакте с загрязнённой водой. Где именно вы заразились, ещё выясняют.

Антон посмотрел на Ингу.

— Я же вам про откачку…

— Вы рассказали, — ответила она. — Запись есть. Сейчас повторять не надо.

— А там ещё…

Он остановился, сглотнул. Шелестова чуть наклонилась к нему.

— Потом. Сейчас скажите, не усилилась ли тошнота.

Инга отступила к двери. Вопросы о дыхании и боли принадлежали этому месту и этому времени; её вопросы могли подождать. На тумбочке стояла закрытая чашка, рядом лежал телефон экраном вниз.

Когда врач закончила, Инга показала на пакет у медсестры.

— Сестра провод принесла. Длинный.

— Она на работе?

— Собиралась на смену. Просила передать, что напишет вечером.

Он кивнул и снова закрыл глаза. Инга не стала задерживаться ради ответа на прощание.

В коридоре Шелестова сняла защитную одежду и посмотрела на часы.

— Медицинский результат Хабиров получит по нашему каналу. В вашу производственную сводку его целиком не вкладываем.

— Я передам только то, что нужно для согласованного уточнения маршрута.

— Хорошо. И ещё: человек с гриппом остаётся человеком с гриппом. Сегодняшняя бумага его результат не переписывает.

Инга кивнула. Вчера один диагноз пытались распространить на всех, сегодня для этого появился другой, куда более подходящий к заводской воде. Обоим соблазнам требовался один и тот же отказ.

* * *

К десяти дождь превратился в мелкую ровную сетку. В комнате, которую больница выделила для рабочей встречи, Хабиров поставил мокрый зонт в пустую урну и попросил не выбрасывать.

— Это временное размещение, — сказал он фельдшеру. — Я его учту.

Она улыбнулась, но папку не выпустила из рук.

— Мне опять сказали обзвонить весь список.

— Весь — нет. Сейчас распределим.

На столе лежала форма, которую они уже использовали в первые дни. Тимур Ильич не заменил её новой, а открыл рядом лист уточнений. В верхней строке поставил дату — шестое мая.

— У нас теперь есть подтверждённый случай. Это меняет определённость, но не делает всех остальных подтверждёнными. Нужны две отдельные вещи: кого обследуют врачи и у кого мы восстанавливаем контакт. Они не совпадают один к одному.

Фельдшер положила папку на стол.

— Мне здоровые звонят. Спрашивают, всем ли теперь сдавать кровь.

— Не назначаем одно исследование всем по телефону. Без жалоб — выясняем контакт, даём порядок наблюдения и обращения. С температурой — сначала медицинская оценка, а не ожидание нашей беседы. С выраженной слабостью, уменьшением мочи и другими тревожными признаками — срочно. Памятку больница уже согласовала, сегодня уточним в ней контактный номер.

— Про мышечную боль оставить?

— Оставить. Только не как обязательный признак, без которого можно ждать.

Инга раскрыла записи о работах.

— В первых рассказах люди называют день, когда воды было больше всего. Поздние выходы иногда вспоминают уже в конце. Если спрашивать только «были ли на паводке», часть действий теряется.

Хабиров взял чистый лист.

— Тогда сначала даты и места. Потом что делал человек, чем пользовался, промокал ли. Без подсказки про конкретный цех.

Они разбирали не все обращения подряд, а вопросы, на которых уже возникали ошибки. Выдача рукавиц со склада ещё не означала, что ими пользовался получатель. Пропуск подтверждал вход на территорию, но не работу с водой. Сорок минут после смены оставались сорока минутами контакта, даже если человек называл их услугой знакомому.

У Хабирова зазвонил телефон. Он уточнил у собеседника, можно ли включить громкую связь при Инге и заводском фельдшере. Получив согласие, положил аппарат на свободный край стола.

Мужчина начал без приветствия:

— Вы про комбинат записали, а я вам ещё говорил про лодку.

— Помню. Когда вы её вытаскивали?

— Девятнадцатого. В субботу. Только это не рыбалка, мы не ловили ничего. После воды перевернуло у берега, я с соседом доставал.

— В воду заходили?

— По колено. Потом глубже пришлось. В сапоги набралось.

Фельдшер повернула к себе свой лист, нашла строку. Там стояло только: «Рыбалку отрицает».

— Порезы, ссадины тогда были? — спросил Хабиров.

— На пальце трещина была. У меня каждую весну. Так вы теперь скажете, что это с речки?

— Пока я записываю контакт с речной водой. Заводской мы не убираем.

— А начальству?

— Работодателю не передаём вашу медицинскую беседу целиком. Производственные действия будем проверять по относящимся к ним сведениям. Если понадобится уточнение у других людей, сначала обсудим, что именно.

Мужчина выдохнул в трубку.

— Там ещё сосед был. Только его не пугайте. Он не болеет.

— Уточним у него самого, если согласится на разговор. Номер без разрешения не присылайте. Передайте наш.

После звонка фельдшер исправила свою запись.

— Я спрашивала, ездил ли рыбачить. Он сказал — нет.

— Ответил на вопрос, который получил, — сказал Хабиров. — Поэтому перечислим действия, а не только занятия. Дача, уборка после воды дома, погреб, канавы. Поездки тоже. У кого-то завод окажется единственным известным контактом, у кого-то нет.

Инга внесла лодку в отдельную строку. Даты не мешали производственной версии; мешало бы их отсутствие, если потом выяснится, что они сознательно не спрашивали.

Фельдшер достала ещё один лист.

— Вот здесь опять коллектор. Человек говорит, что после вскрытия всё пошло.

— Он сам там работал? — спросила Инга.

— Нет. Видел ограждение. Про вскрытие ему сказали.

— Тогда разделим. Что видел и что услышал.

Женщина взяла ручку, но задержалась.

— Все говорят «три-бэ». Будто там одно место на весь нижний этаж.

Инга вспомнила план, лежавший у Павла: соседние обозначения, проход, старый выход. На бумаге они помещались под ладонью. На месте между ними были стены, перепады высоты и трубы, назначение которых ещё требовалось проверить.

— Уточнять будем по действиям и точкам, — сказала она. — Не исправлять название за человека, а просить показать, где он был. На доступном плане. Вниз для этого не вести.

Хабиров согласовал с ней вопросы о профессиональном маршруте. Другие водные контакты и сведения от медицинских организаций оставались у его службы. Фельдшеру достались срочные обращения и несколько уточнений, которые она могла сделать в рабочее время; остальных распределили между участниками проверки.

Когда ей позвонили из приёмной директора, она не вышла в коридор.

— Нет, все истории болезни я не собираю, — сказала она. — Организационный ответ будет. Куда направлять людей, кто отвечает, что сохранять. Да, отдельным письмом.

Она положила телефон, посмотрела на Хабирова.

— Правильно?

— Правильно.

За окном машина скорой помощи медленно объехала лужу у крыльца. Инга проводила её взглядом, затем вернулась к таблице. Напротив каждого уточнения теперь стоял человек, который его возьмёт на себя. Пустой оставалась не работа, а ответ.

* * *

В архив Инга пришла одна. Ирина утром отказалась от второй поездки по мокрым ступеням и попросила принести копии, которые можно читать дома, не наклоняясь к экрану.

Сотрудница вынесла другую папку — толще дела 18, с выцветшей полосой на корешке.

— В прошлый раз у нас был учёт выдачи. Сегодня подняли регистрацию у отправителя. И оборот сопроводительного.

Инга положила рядом свои копии. На расписке отец написал фамилию быстро, с длинным нижним росчерком. Она уже знала эту подпись и всё равно на мгновение задержалась на ней, прежде чем перейти к номерам.

Номер сопроводительной записки по О-7 совпал. У наблюдений за воздушными потоками в карточке стояло сокращение, в регистрационном журнале — полное название. Фрагмент схемы числился приложением, а не самостоятельным письмом. Четвёртая позиция, ответ межзаводской службы, была зарегистрирована позже остальных, но до выдачи Николаю.

Сотрудница положила между листами узкую полоску бумаги.

— Здесь смотрите. Число листов в письме дано вместе с приложением. В вашем перечне раздельно.

Инга пересчитала. Расхождение исчезло не после исправления, а после правильного чтения.

— Дата отправки на два дня раньше выдачи, — сказала она.

— Да. А здесь поступление. После него — ваша расписка.

Теперь цепочка не держалась только на документах одной выдачи. Записи отправителя подтверждали названия, номера и объём; отметка принимающей службы — поступление; расписка — получение. За три недели до гибели Николай действительно пришёл за этим комплектом.

— Можно заказать эти страницы с реквизитами? — спросила Инга.

— Можно. Соседние сведения, которые не относятся к запросу, закроем в копии. Нужные номера и заголовки останутся.

Ни самого П-6, ни поздних материалов КР-12 здесь не было. Инга не стала снова записывать их даты: вопрос уже был решён. В нынешнюю сверку входили четыре ранние позиции — и ничего сверх них.

На обороте сопроводительной записи обнаружилась ссылка, которую раньше заслонял сгиб копии. Она относилась не к отправленному Лобановым материалу, а к местным сведениям, с которыми предлагалось его сопоставить: первичная регистрация отбора проб, номер журнала и обозначение листа.

Инга подвинула лампу, не касаясь старой бумаги.

— Вот этот журнал есть в фонде?

Сотрудница сверилась с описью.

— Под таким названием здесь не учтён. Возможно, лабораторная часть хранилась отдельно. По одному сокращению держателя не скажу. Нужен запрос.

Инга переписала ссылку. Возле номера была знакомая дата из прежних материалов о бланке с подписью отца. Совпадение предстояло проверить; оно ещё не объясняло, кто внёс значения, какие пробы действительно брали и что осталось в первичных записях.

Она вспомнила своё облегчение два дня назад, когда увидела расписку. Тогда почти сразу захотелось позвонить Павлу и сказать: отец всё-таки разбирался. Это было правдой. Но рядом оставался бланк, который он подписал прежде. Четыре полученных документа не меняли его подписи на другом.

— Вам продолжение того же обращения? — спросила сотрудница.

— Два отдельных. По аварийному делу текст уже согласован с матерью. По первичной регистрации — новый.

Она открыла ноутбук. В первом запросе сохранила старый шифр аварийного дела и номер листа учёта передачи. Во втором указала только обнаруженную ссылку, происхождение записи и просьбу установить место хранения относящихся к ней документов. Семейное основание повторила в обоих. Заводского задания, по которому работали сейчас Павел и Софья, здесь не было.

Сотрудница прочла названия.

— По второму могут попросить уточнение. Там могут быть сведения о других людях.

— Тогда уточним допустимый объём. Мне не нужен весь журнал без разбора.

Пока оформляли копирование, Инга позвонила матери и прочла новую просьбу. Ирина попросила повторить номер, записала его у себя.

— Это тот отбор? — спросила она.

— Возможно. Пока ссылка. Не сам журнал.

На другом конце что-то тихо стукнуло.

— Хорошо. Так и спрашивай.

Инга оплатила копии своей картой. Чек убрала в семейный конверт. У двух запросов появились номера регистрации, у проверки выдачи — законченный результат. Поиск того, что отец сделал потом, оставался отдельной работой.

На улице дождь усилился. До остановки она дошла быстро, но под навесом уже было тесно. Женщина с двумя пакетами подвинулась, освобождая ей половину сухого места. Инга прижала сумку к груди; конверт внутри остался сухим.

* * *

Ирина встретила её с полотенцем.

— Сначала куртку сними. Потом расскажешь.

Вода стекала с нижнего края на линолеум. Инга сняла куртку, и мать подхватила её за ворот.

— Не к обогревателю, — сказала Инга.

— Я ещё никуда не понесла.

Старый масляный радиатор стоял у стены. Его включали на час, когда после дождя в квартире становилось особенно сыро. Ирина уже освободила над ним место.

— На него не клади. И близко не вешай.

— Я на стул хотела.

— Стул тоже отодвинем.

Мать посмотрела на неё поверх очков.

— Ты сегодня дома или на приёмке?

Инга взяла полотенце, вытерла лужицу у порога.

— Дома. Но куртка у меня одна.

Они отнесли её в ванную. Нижний край был забрызган грязью; на этикетке разрешалась машинная стирка на щадящем режиме. Ирина вынула из кармана забытый автобусный билет, Инга застегнула молнии. Старую мамину ветровку, испачканную у палисадника, добавили в ту же загрузку.

— Карманы сама проверь, — сказала Инга.

— Уже. У меня архива в карманах нет.

Пока машина набирала воду, они разложили копии на кухне. Инга показала матери четыре строки и независимые отметки регистрации.

— Получение проверено. Именно этих материалов, именно тогда.

Ирина прочла, затем ещё раз посмотрела на дату.

— Он бумагу с хлебом носил, — сказала она. — В одной сумке. Я сердилась: то крошки в листах, то хлеб карандашом испачкан.

Инга подняла глаза.

— Эти помнишь?

— Нет. Я тебе про привычку. Не про эти.

Мать сняла очки и положила их на закрытый футляр.

— Иногда свёрток разворачиваю — гайки. А он хлеб не купил. Говорит: место занято было.

Инга улыбнулась, впервые за день без усилия.

— Очень убедительно.

— У него всегда было чем объяснить. Только за хлебом потом всё равно шёл.

Ирина подвинула дочери тарелку. На ней лежал нарезанный огурец и два куска холодной курицы. Инга убрала бумаги, прежде чем потянуться за вилкой.

— По работе стало понятнее? — спросила мать.

— В одном случае получили важный ответ. Ещё много уточнять.

Ирина кивнула и не спросила, у кого. Разговор вернулся к архиву: какие копии будут готовы, где хранить квитанции, нужен ли матери отдельный экземпляр ответа. Она попросила сделать крупнее не весь текст, а таблицу с номерами — буквы читала и так.

Когда закончилась стирка, они установили сушилку в комнате, оставив проход к шкафу. Инга вытащила тяжёлую влажную куртку, расправила подкладку. Мать открыла форточку.

— Теперь холодно будет.

— Ненадолго, — сказала Ирина. — Высохнет не от того, что мы на неё смотрим.

Рабочий телефон завибрировал уже после того, как Инга убрала таз. Хабиров прислал сообщение через согласованный защищённый канал. Один из уточнённых маршрутов пока включал только первоначальную откачку. Поздних выходов человек не называл; по доступным сменным сведениям после двадцать четвёртого на этом участке не работал. Клиническое обследование продолжалось.

Инга села к ноутбуку. Мать унесла чашки, не заглядывая в экран.

Она сверила сообщение с записью раннего опроса. Не дописала человеку мойку по сходству жалоб и не сняла его с проверки из-за отсутствия позднего выхода. Вопрос о том, как именно он промок во время откачки, Хабиров уже поставил ответственному за уточнение.

Инга ответила, что внесёт разделение в свою часть рабочих сведений. Затем открыла схему контактов.

Общее слово «паводок» занимало длинную строку над несколькими датами. Она сохранила прежнюю версию и разделила строку на две: первоначальная откачка, действия после неё. Под первой появились подтверждённые дни и остававшиеся вопросы. Под второй — уборка, перенос, мойка; у каждого действия свои источники, ещё не сведённые в полный маршрут.

Из комнаты донёсся скрип сушилки. Ирина поправляла рукав, чтобы он не касался стены.

Между двумя периодами Инга пока не проводила границы заражения. Только границу работ. Сохранила файл и закрыла ноутбук.

Глава 7. Я в подвал не ходила

Днём шестого мая на телефон для независимых обращений прислали фотографию объявления. Под строкой о лихорадке после работ с водой стояла короткая подпись: «Это только кто откачивал?»

Софья переслала Инге вопрос, не имя отправительницы. Женщина разрешила связаться с ней по медицинскому поводу, но сначала хотела знать, придётся ли идти через комбинат.

Инга позвонила с рабочего номера.

— Не придётся. Где вы сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.